Музея Л. Гв. 2-арт. бригады
по описи №312.

Сарыкамышская операція

12-24 Декабря 1914 года

(НѢКОТОРЫЕ ДОКУМЕНТЫ)

подъ редакціей А. АНДРЕЕВА

ПАРИЖЪ
1 9 3 4

Генеральнаго Штаба
Генералъ - отъ - Инфантеріи
ГЕОРГІЙ ЭДУАРДОВИЧЪ БЕРХМАНЪ

(на груди — орд. Св. Великом. и Побѣдон. Георгія 4 ст., на шеѣ — орд. Св. Александра Невскаго 1 ст. съ мечами. Обѣ награды — за Сарыкамышскую операцію).

† 17 февраля 1929 г.

Сарыкамышская операція

12-24 Декабря 1914 года

(НѢКОТОРЫЕ ДОКУМЕНТЫ)

подъ редакціей А. АНДРЕЕВА

ПАРИЖЪ
1 9 3 4

Всѣ права, въ томъ числѣ и право изданія на другихъ языкахъ, принадлежитъ Е. В. Берхманъ

Tous droits de reproduction et de traduction réservés pour tous pays
Copyright 1934 by E. Bergmann

*Описанію Сарыкамышской операціи посвященъ спеціальный трудъ ген.-маіора Ген. Штаба В. П. Никольскаго *).*

Въ настоящій сборникъ включены лишь нѣкоторые документы, касающіеся этой операціи изъ числа тѣхъ, которые хранятся въ архивѣ вдовы ген.-отъ-инф. Берхмана — Е. В. Берхманъ.

Цѣль этого изданія — сохранить для будущаго историка случайно уцѣлѣвшіе, въ годину величайшихъ потрясеній нашей Родины, важные и фактическіе матеріалы. Въ нихъ, подъ покровомъ людскихъ страстей, столь естественныхъ въ любой періодъ исторіи человѣчества, — безпристрастный изслѣдователь, только что минувшихъ для насъ событій, быть можетъ, почерпнетъ ту истину, которая нѣкоторымъ современникамъ, вольно или невольно, — не дается.

А. Андреевъ.

---

*) Болгарія. — Софія — 1933.

ВЫСШІЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВЪ КАВКАЗСКОЙ АРМІИ ВЪ ПЕРІОДЪ САРЫКАМЫШСКОЙ ОПЕРАЦІИ

Главнокомандующій Кавказской Арміей	Ген.-Адъютантъ, Ген.-отъ-Кавалеріи Графъ Воронцовъ-Дашковъ
Помощникъ Главнокомандующаго ..	Ген.-отъ-Инф. Мышлаевскій
Вр. И. д. Начальника Штаба	Ген.-Маіоръ Болховитиновъ
Начальникъ Сарыкамышской группы войскъ и Ком. I-го Кавказскаго арм. корпуса	Ген.-отъ-Инф. Берхманъ
И. д. Начальника Штаба группы и I-го Кавказскаго арм. корпуса	Полк. Ласточкинъ
Вр. Командующій Своднымъ корпусомъ	Ген.-Лейт. Юденичъ
Начальникъ 20-й пѣх. дивизіи	Ген.-Лейт. Истоминъ
Начальникъ 39-й пѣх. дивизіи	Ген.-Лейт. Де-Виттъ
Командиръ 1-й Кубанской Пластунской бригады	Ген.-Маіоръ Пржевальскій
Командиръ 2-й Кубанской Пластунской бригады	Ген.-Маіоръ Гулыга
Начальникъ 1-й Кавказской Казачьей дивизіи	Ген.-Лейт. Баратовъ

Копія съ телеграммы) генерала Берхмана отъ 22 Декабря 1914 года за № 1052 Главнокомандующему, Помощнику Главнокомандующаго и Начальнику Полевого Штаба Арміи**).*

Безмѣрно счастливъ отъ лица всѣхъ чиновъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ горячо поздравить Ваше Сіятельство съ большой и славной побѣдой. Доношу: сегодня 22-го Декабря въ 5 час. вечера рѣшительно опредѣлилось полное пораженіе 9 и 10 турецкихъ корпусовъ подъ Сарыкамышемъ. Командиръ 9-го корпуса Исханъ-паша, 3 Начальника дивизій 17-й, 28-й и 29-й и 2 замѣстителя Начальниковъ дивизій со своими Штабами, болѣе 100 офицеровъ и тысячи нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнъ. Намъ досталось много орудій, пулеметовъ, боевыхъ припасовъ, вьючныхъ транспортовъ и прочаго имущества, но все еще не приведено въ извѣстность. Правый флангъ турокъ, 9-й корпусъ, уничтоженъ безслѣдно, часть 10-го еще пытается спастись черезъ Эшакъ-Майданъ, но наперерѣзъ имъ выдвинута конница, а преслѣдуютъ ихъ части 3-й стрѣлковой бригады и Гунибцы. Свидѣтельствую передъ Вашимъ Сіятельствомъ, маститымъ нашимъ Кавказскимъ Главнокомандующимъ, что войска Сарыкамышскаго отряда совершили геройскіе подвиги и оказались достойными своихъ славныхъ предковъ. Ни выси горъ, ни снѣга, ни морозы не остановили ихъ стремленія къ побѣдѣ, чтобы достойно оправдать высокое довѣріе и исполнить желаніе Вашего Сіятельства.

Копія съ телеграммы генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова отъ 23-го декабря за № 3547 генералу Берхману.

Горячо благодарю полковника Букретова, полковника Барковскаго, генерала Пржевальскаго, генерала Юденича, генерала Габаева, генерала Берхмана за ихъ труды, приведшіе къ славной побѣдѣ. Доблестнымъ войскамъ, проливнимъ такъ много крови и понесшимъ также тяжелые

---

*) Телеграмма приведена неполностью. Ред.

**) Всѣ числа по старому стилю. Ред.

труды, сердечное спасибо отъ нхъ Главнокомандующаго за нхъ стойкую службу Царю, Родинѣ и Кавказу. А на основаніи ст. 7 устава полевой службы въ командованіе Сарыкамышскимъ отрядомъ вступить начальнику полевого Штаба Арміи генералъ-лейтенанту Юденичу, какъ старшему въ должности. Преслѣдованіе вести энергично. Имѣть въ виду возможность перехода въ наступленіе турокъ съ фронта, для облегченія выхода изъ боя остатковъ 9-го и 10-го турецкихъ корпусовъ. Подписалъ: Генералъ-Адъютантъ, Графъ Воронцовъ-Дашковъ.

Копія съ рапорта генерала-отъ-инфантеріи Берхмана отъ 19 января 1915 года за № 2, Главнокомандующему Кавказской Арміей.

Основываясь на примѣчаніи къ статьѣ 10-й Статута о Военномъ Орденѣ Св. Великомученика Георгія, доношу Вашему Сіятельству о моемъ отличномъ командованіи войсками въ сраженіи съ турками, подъ Сарыкамышемъ, въ періодъ съ 15 по 25 декабря минувшаго года, когда я боролся со значительно превосходящими меня силами турокъ и успѣлъ не только ихъ разбить и прогнать, но и плѣнить ихъ цѣлый корпусъ, захвативъ при этомъ большое число пушекъ, ружей и другихъ боевыхъ трофеевъ.

Подробности моего выдающагося отличія, отмѣченнаго ст. ст. 1, 9 и 10 Статута Ордена Св. Вел. Георгія, заключались въ слѣдующемъ:

Согласно приказанія Вашего Сіятельства, съ момента открытія нами военныхъ дѣйствій противъ турокъ, я былъ назначенъ Начальникомъ 1-й группы войскъ на Кавказѣ и всталъ во главѣ Сарыкамышскаго отряда, которымъ командовалъ вплоть до 24 декабря, за исключеніемъ 4-хъ дней — съ 11-го по 15-ое декабря, когда помощнику Вашего Сіятельства генералу-отъ-инфантеріи Мышлаевскому, прибывшему къ отряду, угодно было съ Вашего соизволенія, принять личное командованіе надъ Сарыкамышскимъ отрядомъ. Эти 4 дня я оставался только командиромъ 1-го Кавказскаго армейскаго корпуса.

Съ 11-го числа обнаружился обходъ турокъ въ тылъ Сарыкамышскому отряду. Сперва эти силы опредѣлялись въ 3-4 батальона, но потомъ они росли съ каждымъ часомъ и 14-го декабря стало точно извѣстно, что къ Сарыкамышу подходятъ два турецкихъ корпуса (IX и X) — всего 5 дивизій.

15-го декабря утромъ Его Высокопревосходительству благоугодно было оставить отрядъ и уѣхать въ Тифлисъ, а съ пути, изъ Каракурта прислать мнѣ телеграмму, которой мнѣ предписывалось принять командованіе надъ Сарыкамышскимъ отрядомъ. Съ этой минуты я попрежнему сталъ полноправнымъ начальникомъ войскъ и, не теряя времени, повелъ операціи какъ противъ IX и X турецкихъ корпусовъ, подступившихъ къ

Сарыкамышу, такъ и противъ XI турецкаго корпуса, оставшагося противъ моего фронта.

Первыя мои распоряженія клонились къ тому, чтобы какъ можно долѣе удерживать турокъ на моемъ фронтѣ, а потому войскамъ моихъ арріергардовъ было указано оставаться на своихъ первоначальныхъ позиціяхъ до 17 декабря, а затѣмъ медленно отходить на Саганлугскія позиціи и, во чтобы - то ни стало, задержаться здѣсь до разбитія турокъ подъ Сарыкамышемъ. Для этой послѣдней цѣли, въ дополненіе къ находящимся въ Сарыкамышѣ нашимъ войскамъ, я направилъ туда сперва шесть баталіоновъ съ мортирнымъ дивизіономъ и нѣсколькими легкими батареями, а потомъ, черезъ Башкейское плато, вывелъ туда же на лѣвый флангъ турокъ, еще 22 конныхъ сотни, 5 пластунскихъ баталіоновъ 2-ой бригады и соотвѣтствующую артиллерію.

При началѣ общей операціи, я имѣлъ нѣсколькихъ арріергардныхъ начальниковъ, — генераловъ: Юденича, Де-Виттъ и Баратова, управленіе дѣйствіями коихъ я имѣлъ въ своихъ рукахъ, но впослѣдствіи, по отходѣ арріергардовъ къ Караургану и къ Меджингерту — управленіе двумя правыми арріергардами я объединилъ въ рукахъ генерала Юденича.

Непосредственное же и близкое командованіе войсками, у Сарыкамыша я принялъ лично на себя. Въ этотъ пунктъ, со своимъ штабомъ я прибылъ 18-го декабря и оставался здѣсь до конца боя, лично руководя всѣми операціями войскъ въ Сарыкамышѣ и всего Сарыкамышскаго отряда. При чемъ во все это время находился днемъ и ночью почти подъ непрестаннымъ орудійнымъ огнемъ непріятеля.

20-го декабря успѣхъ видимо сталъ склоняться въ нашу сторону, но для довершенія удара настоятельно необходимо было сломить турокъ на Бардусскомъ перевалѣ. Для сего командиру 5-го пластунскаго баталіона полковнику Масляникову, усиленному двумя баталіонами Дербентцевъ, я приказалъ во что бы то ни стало взять Бардусскій перевалъ и охватить турокъ съ ихъ праваго фланга и съ тыла. На другой день полковникъ Масляниковъ блестяще исполнилъ эту операцію, которая и завершилась къ вечеру 22-го декабря разгромомъ обошедшей насъ турецкой арміи, и полнымъ плѣненіемъ IX корпуса съ его командующими генералами, пушками, ружьями и другой матеріальной частью.

Эти наши дѣйствія, на правомъ турецкомъ флангѣ, были, конечно, въ тѣсномъ согласованіи съ операціями нашими на фронтѣ и на лѣвомъ турецкомъ флангѣ, которыя выразились въ слѣдующемъ:

21-го декабря конный отрядъ генерала Баратова, — съ пластунами генерала Гулыги, — былъ выведенъ мною черезъ Башкей къ Али-Софи и далѣе къ Ель-Кечмезу, гдѣ эта колонна соединилась съ подошедшимъ сюда отрядомъ генерала Габаева (7 баталіоновъ съ артиллеріей).

22-го декабря всѣ собранныя у Ель-Кечмеза войска, объединенныя командованіемъ генерала Баратова, были мною брошены въ тылъ X непріятельскому корпусу. Въ то же время съ фронта на селеніе Ягъ-Басанъ 21 и 22-го декабря дѣйствовала колонна славнаго командира Кабардинскаго полка (нынѣ покойнаго) полковника Барковскаго. Совокупныя дѣйствія этихъ атакующихъ непріятеля колоннъ, а равно чрезвычайно упорные и побѣдные бои нашего праваго арріергарда подъ командой генерала Юденича, задержавшаго XI турецкій корпусъ на Саганлугѣ, привели къ полному пораженію почти всей турецкой арміи: IX-й корпусъ въ плѣну, X-ый, теряя орудія, бросился въ безпорядочное отступленіе, XI-ый за эти дни тоже отдалъ намъ много плѣнныхъ и 8 орудій.

23-го ввѣренныя мнѣ войска успѣшно продолжали преслѣдованіе X корпуса, отбивъ у него при этомъ отступленіи много плѣнныхъ и нѣсколько орудій.

Такимъ образомъ 23-го декабря побѣдно и совершенно закончилось сраженіе подъ Сарыкамышемъ и только XI корпусъ, все еще не зная о пораженіи арміи Энверъ-паши (командовалъ арміей подъ Сарыкамышемъ), не оставлялъ попытки пробиться черезъ нашъ арріергардъ къ нему на выручку.

Побѣда подъ Сарыкамышемъ полная и громкая, такъ какъ она не только уничтожила значительную часть турецкой арміи, отдавъ въ наши руки многихъ генераловъ, сотни офицеровъ, десятки пушекъ и тысячи плѣнныхъ, — но важна она и въ политическомъ смыслѣ, ибо успокоила взволнованные умы Кавказа и произвела впечатлѣніе за предѣлами края.

Эта побѣда была также высоко оцѣнена и нашимъ Верховнымъ Главнокомандующимъ въ телеграммѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА на имя Вашего Сіятельства.

Нѣкоторые изъ сотрудниковъ моихъ въ этомъ большомъ ратномъ дѣлѣ, мнѣ непосредственно подчиненные и мною къ побѣдѣ этой направляемые — генералы Юденичъ и Пржевальскій, полковникъ Барковскій (нынѣ покойный) пожалованы высокимъ военнымъ отличіемъ — орденомъ Св. Великомученика Георгія 4-й ст.

Вышеизложенное представляя на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства, доношу, что свидѣтельскія показанія о томъ, что я лично, и никто другой, съ 15 декабря руководилъ всѣми боевыми операціями Сарыкамышскаго отряда и что съ 18 декабря находился въ самомъ Сарыкамышѣ, подвергаясь днемъ и ночью личной опасности отъ почти непрекращаемаго огня непріятельскихъ батарей, — могутъ дать всѣ

чины моего штаба, а равно генералы и начальники частей войскъ Сарыкамышскаго отряда, бывшіе въ его составѣ за указанный періодъ.

Состоящій въ распоряженіи главнокомандующаго
Кавказскою Арміею
Генералъ-отъ-инфантеріи Берхманъ.

29 Января 1915 г. Рапортъ, Главнокомандующему Кавказскою Арміею.

Извѣстіе о Сарыкамышскомъ сраженіи въ разнообразныхъ варіантахъ передавалось и до сей поры все еще передается во многихъ газетахъ, при чемъ въ наиболѣе распространенныхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ: «Новое Время» и «Русское Слово», очень часто руководителемъ нашихъ войскъ въ сраженіи подъ Сарыкамышемъ, когда были разбиты IX и X Турецкіе корпуса, называютъ генерала Юденича, а иногда генерала Пржевальскаго.

Вашему Сіятельству хорошо извѣстно, что, согласно приказа Вашего по войскамъ Кавказской арміи и особо подтверждающей этотъ приказъ телеграммы помощника Вашего Сіятельства генерала-отъ-инфантеріи Мышлаевскаго, отъ 15 декабря 1914 года, — Сарыкамышскимъ отрядомъ, — въ его цѣломъ составѣ, за періодъ съ 15 по 24 декабря 1914 года, — командовалъ и руководилъ всѣми его операціями на два фронта: на Сарыкамышъ и въ направленіи на Эрзерумъ исключительно я и никто другой.

А между тѣмъ имени моего нигдѣ не упоминается. Имя мое, само по себѣ, конечно, можетъ быть совершенно въ печати замолчено, но, разумѣется, только при условіи, что мои дѣйствія не будутъ приписываться другимъ лицамъ; разъ же печать этого условія не соблюдаетъ, то я прошу разрѣшенія Вашего Сіятельства указать газетамъ ихъ ошибку, не касаясь, конечно, никакихъ подробностей Сарыкамышскихъ боевъ, а лишь указать имъ, что ближайшимъ и непосредственнымъ начальникомъ и руководителемъ Сарыкамышскаго отряда, при разбитіи турокъ подъ Сарыкамышемъ, былъ я.

Генералъ-отъ-инфантеріи *Берхманъ.*

Копія съ рапорта, отъ 19 февраля 1915 г. за № 16, генерала-отъ-инфантеріи Берхмана Главнокомандующему Кавказской арміей графу Воронцову-Дашкову.

Ощущая на себѣ немилость Вашего Сіятельства и не имѣя воз-

можности лично представиться, чтобы доложить о своихъ боевыхъ дѣйствіяхъ, а въ то же время не чувствуя ни малѣйшей за собою вины по командованію ввѣренными мнѣ войсками, я осмѣливаюсь при семъ представить подробный докладъ *) о моихъ дѣйствіяхъ за время моего командованія Сарыкамышскимъ отрядомъ. Изъ этого моего доклада, оправданнаго документами, увѣренно надѣюсь, что Ваше Сіятельство не изволите усмотрѣть ни малѣйшаго пятна, могущаго не только очернить меня какъ военачальника, но и найти въ немъ хоть малѣйшую тѣнь, меня омрачающую.

Смѣю доложить, что со всеусердіемъ и всѣми моими способностями служилъ и сражался съ одною мыслью достойно оправдать высокое ко мнѣ довѣріе Вашего Сіятельства и не обезчестить на полѣ брани доблестныя Кавказскія войска, давшія мнѣ жизнь, возрастившія меня въ своей семьѣ и доставившія мнѣ счастливую возможность сорокъ лѣтъ честно и правильно прослужить въ ихъ рядахъ, подъ ихъ вѣковыми боевыми знаменами.

Ваше Сіятельство, если Вы все же изволите знать за мною какую-либо вину, — то будьте милостивы прикажите указать мнѣ таковую, дабы я могъ представить свою защиту.

Невыразимо больно и горестно ни отъ кого и ничего не слышать и быть во всемъ совершенно замолченнымъ и закрытымъ чужими именами, какъ будто я не имѣлъ ни малѣйшаго касательства къ Сарыкамышскимъ операціямъ. А между тѣмъ, какъ Вашему Сіятельству извѣстно, я Вашею волею былъ поставленъ во главѣ Сарыкамышскаго отряда и былъ тѣмъ единственнымъ отвѣтственнымъ и полноправнымъ его начальникомъ, который долгимъ и искуснымъ маневрированіемъ, оставаясь лично въ теченіе пяти сутокъ подъ непрестаннымъ непріятельскимъ огнемъ, привелъ доблестныя войска отряда къ славной побѣдѣ и нанесъ туркамъ большое и рѣшительное пораженіе подъ Сарыкамышемъ.

Не получая отъ графа Воронцова-Дашкова отвѣта на свой рапортъ о награжденіи орденомъ Св. Георгія 4 ст., ген. Берхманъ попросилъ разрѣшеніе отправиться въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, но тамъ встрѣченный холодно Начальникомъ Штаба ген. Янушкевичемъ, не былъ даже принятъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ.

Копія съ рапорта отъ 30 апрѣля 1915 г. за № 40. генерала-отъ-инфантеріи Берхмана Верховному Главнокомандующему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу.

---

*) Докладъ не прилагается. Ред.

ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, представляя докладъ *) объ участіи моемъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ на Кавказскомъ фронтѣ, въ періодѣ съ 18-го октября по 24-го декабря 1914 года, во время бытности моей Командиромъ 1-го Кавказскаго армейскаго корпуса и Начальникомъ Сарыкамышскаго отряда, — всепреданнѣйше прошу милости означенный мой докладъ, съ приложеніемъ къ нему надлежащихъ документовъ, повелѣть разсмотрѣть, выслушавъ мое объясненіе и, буде ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО признаете меня правымъ — возстановить мое имя, какъ бывшаго единственнаго, самостоятельнаго и отвѣтственнаго Начальника Сарыкамышскаго отряда, разгромившаго турокъ подъ Сарыкамышемъ, при чемъ IX-й турецкій корпусъ со всѣмъ его старшимъ команднымъ составомъ былъ мною взятъ въ плѣнъ, а X-й корпусъ изъ нашихъ предѣловъ бѣжалъ, понеся тяжкія потери.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО прилагаемые къ докладу документы, какъ мнѣ кажется, убѣдительно свидѣтельствуютъ, что боевую задачу, — возложенную на меня Главнокомандующимъ Кавказскимъ фронтомъ съ перваго дня войны съ турками — съ 18-го октября и по 24 декабря 1914 года, — я съ ввѣренными мнѣ доблестными войсками вполнѣ правильно и успѣшно выполнилъ.

Въ документахъ имѣется цѣлый рядъ благодарственныхъ телеграммъ, обращенныхъ ко мнѣ Главнокомандующимъ Кавказской арміей и еще наканунѣ разгрома турокъ подъ Сарыкамышемъ я получилъ 21 декабря послѣднюю телеграмму, одобряющую меня и призывающую къ полному пораженію враговъ для цѣлости Кавказа**).

Господь помогъ мнѣ и командуемыя мною войска на другой же день исполнили это желаніе и приказаніе своего Главнокомандующаго и нанесли туркамъ такое большое и славное пораженіе, которое даже порадовало сердце ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА.

Въ отвѣтъ на это свое донесеніе о громкой Сарыкамышской побѣдѣ, я получилъ отъ Главнокомандующаго Кавказской Арміей телеграмму, которая глубокою горечью поразила меня, такъ какъ въ ней явно не только сказалось какое-то большое на меня неудовольствіе, но и въ командованіи Сарыкамышскимъ отрядомъ я былъ замѣненъ младшимъ по себѣ.

Съ той поры имя мое совершенно исчезаетъ и ни въ какихъ оффиціальныхъ документахъ я не упоминаюсь. Приказъ же по Кавказской

---

*) Докладъ и документы не прилагаются. Ред.

**) «Радуюсь одержаннымъ успѣхамъ, но Вы должны одержать полную побѣду, отъ которой зависитъ цѣлость Кавказа».

арміи, отъ 11 января сего года за № 15, какъ бы окончательно отстранилъ меня отъ какого-либо моего участія въ Сарыкамышскомъ дѣлѣ.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО. осмѣлюсь клятвенно и документально доложить, что всю Сарыкамышскую операцію съ 15 по 24 декабря 1914 г. велъ я единолично, и, конечно, только одинъ я и отвѣтилъ бы предъ Царемъ и Родиной за всѣ непріятныя послѣдствія, если бы, избави Богъ, съ ввѣренными мнѣ войсками случилась хотъ какая-либо даже самая маленькая неудача. За что же въ минуту великаго счастья и радости побѣды я , виновникъ. таковыхъ, совершенно забытъ и замолченъ, и въ имени своемъ замѣненъ другими.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ я тщетно пытался отъ кого-либо узнать, — въ чемъ моя вина, которая могла вызвать такое страшное на меня неудовольствіе Главнокомандующаго Кавказскою арміею. Но таковую мнѣ рѣшительно никто не указалъ, а самъ Главнокомандующій до сего дня меня не принялъ и на мой рапортъ съ донесеніемъ о моемъ отличіи, опредѣляемомъ Статутомъ Ордена Св. Георгія Побѣдоносца, а равно и на мой документальный докладъ, никакого отвѣта не далъ.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО. я живу подъ страшнымъ гнетомъ, какъ самый тяжкій преступникъ, а между тѣмъ рѣшительно не знаю за собою ни малѣйшей вины и всю свою долгую и честную мирную и боевую службу провелъ среди Кавказскихъ войскъ, всегда имѣя себѣ отъ нихъ почетъ и уваженіе.

Вскорѣ послѣ пріѣзда изъ Ставки ген. Берхманъ получилъ, наконецъ, отвѣтъ графа Воронцова-Дашкова.

Копія съ письма Главнокомандующаго Кавказскою Арміей графа Воронцова-Дашкова, отъ 4-го іюля 1915 года за № 19197, генералу-отъ-инфантеріи Берхману.

Послѣ полученія рапорта Вашего Высокопревосходительства отъ 12 января с. г. № 2 о Вашемъ личномъ командованіи отрядомъ подъ Сарыкамышемъ и о награжденіи Васъ орденомъ Св. Георгія 4 ст. за отличное командованіе войсками во время Сарыкамышскихъ боевъ, въ силу требованій ст. 17 Георгіевскаго Статута, я, какъ ближайшій Вашъ начальникъ, прежде такого представленія обязанъ былъ назначить разслѣдованіе, почему мною и были запрошены нѣкоторые изъ участниковъ этого дѣла и затребованы документы отъ Штаба войскъ, дѣйствовавшихъ во время операціи подъ Сарыкамышемъ.

Въ отвѣтъ на мой запросъ мнѣ донесли:

1) *Генералъ Юденичъ* (рапортъ 4 марта с. г. № 5).

Телеграмма генерала Мышлаевскаго, которою предписывалось Вашему Высокопревосходительству принять командованіе надъ Сарыкамышскимъ отрядомъ ему неизвѣстна, а извѣстно лишь то, что въ командованіе Вы не вступали, т. е. говоря другими словами, — единолично войсками не командовали. Это положеніе подтверждается еще и изъ дальнѣйшихъ событій, а именно:

15 декабря въ 6 часовъ вечера Вами было отдано слѣдующее приказаніе полковнику Барковскому, дравшемуся подъ Сарыкамышемъ:

«Участь всего Сарыкамышскаго отряда въ Вашихъ рукахъ; въ одолѣніи турокъ доблестными Кабардинцами не сомнѣваюсь, но побѣда должна быть скорая, не позже завтрашняго утра (т. е. утра 16 декабря), иначе отрядъ можетъ погибнуть. Господь съ Вами. Отрядъ ждетъ освобожденія».

И второе распоряженіе генералу Пржевальскому въ 1 час. 35 минутъ дня 16 декабря: «Сообщаю, что по ходу событій наступило время начать свой отходъ въ Сарыкамышъ *всѣмъ войскамъ*, стоящимъ на нашихъ передовыхъ позиціяхъ отъ Караургана до Хоросана и далѣе на Югъ. Я и всѣ воины глубоко убѣждены, что разбитіемъ турокъ подъ Сарыкамышемъ Вы сегодня же 16 декабря дадите намъ свободный проходъ въ тылъ, гдѣ мы найдемъ хлѣбъ и пищу».

Здѣсь совершенно ясно назначенъ отходъ *всѣхъ* силъ къ Сарыкамышу, къ счастью не состоявшійся, благодаря вмѣшательству въ это дѣло генерала Юденича, который въ своемъ рапортѣ доноситъ:

«На необходимость задерживаться на арріергардныхъ позиціяхъ указалъ и настоялъ я, настаивалъ «властно, какъ равный съ равнымъ и въ сознаніи, что я въ то же время и Начальникъ Штаба арміи».

Если бы общимъ войсковымъ начальникомъ были бы Вы, каковымъ Вы себя считали, то и должны были настаивать на дѣйствіяхъ по своему плану, а генералъ Юденичъ не имѣлъ бы права ослушаться. Между тѣмъ въ основу дѣйствій на фронтѣ легло иное рѣшеніе — оставаться на арріергардныхъ позиціяхъ — рѣшеніе, *принадлежащее генералу Юденичу*, который, если бы былъ подчиненъ Вамъ, конечно, не могъ бы настаивать на своемъ рѣшеніи «властно, какъ равный съ равнымъ».

Такимъ образомъ единоличнаго командованія войсками не было (§ 1 ст. 8. Георг. Статута).

2) *Генералъ Пржевальскій* (рапортъ 2 мая с. г. № 75).

Приказаніе о движеніи съ бригадой изъ Меджингерта въ Сарыкамышъ и о принятіи командованія сборными тамъ войсками онъ получилъ лично отъ генерала Мышлаевскаго, а не отъ Васъ; Вы же, уговорившись 18 декабря по телефону съ генераломъ Юденичемъ о томъ,

что генералъ Юденичъ будетъ командовать всѣми арріергардами, должны были ѣхать въ Сарыкамышъ, дабы командовать собранными тамъ войсками.

Прибывъ въ Сарыкамышъ въ командованіе все же не вступили. Въ рапортѣ генерала Пржевальскаго значится «....по прибытіи въ Сарыкамышъ генералъ Берхманъ предоставилъ мнѣ самостоятельно руководить войсками Сарыкамышской обороны, и во исполненіе ранѣе отданныхъ мною распоряженій: войска лѣваго участка должны были овладѣть Бардусскимъ перевалomъ, а праваго — наступать по линіи с. с. Ягъ-Басанъ и Чатахъ».

Изъ сказаннаго опять видно, что Вы, прибывъ въ Сарыкамышъ, чтобы вступить, согласно условленнаго съ генераломъ Юденичемъ въ командованіе войсками Сарыкамышской обороны, *въ командованіе это не вступили,* что подтверждается и справкой Штаба обороны, гдѣ значится: «...по прибытіи въ Сарыкамышъ 18-го вечеромъ генерала-отъ-инфантеріи Берхмана и до сдачи турокъ 22 декабря войска его не видѣли. На вопросъ генерала Пржевальскаго, — приметъ ли генералъ Берхманъ на себя управленіе войсками у Сарыкамыша, Его Высокопревосходительство отъ этого уклонился, предоставивъ генералу Пржевальскому свободу дѣйствій въ управленіи войсками».

Въ силу этого обстоятельства войска выполнили прежнія задачи, указанныя генераломъ Пржевальскимъ, а не Вами.

3) Штабъ обороны доноситъ: «...изложенныя въ рапортѣ генерала Берхмана указанія о переломѣ боя 20 декабря и объ отдачѣ имъ лично полковнику Масляникову того же числа приказанія взять во что бы то ни стало Бардусскій перевалъ, а также о томъ, что во исполненіе этого приказанія перевалъ былъ блестяще взятъ на другой день, т. е. 21 декабря, не отвѣчаетъ дѣйствительности, такъ какъ переломъ боя подъ Сарыкамышемъ совершился 18 декабря послѣ того, какъ были отбиты штыковыя атаки 31-й турецкой дивизіи въ центрѣ и на правомъ флангѣ и турки перешли къ оборонѣ; перевалъ былъ взятъ не 21-го декабря, а 20-го въ 1 часъ 30 минутъ дня; приказаніе полковнику Масляникову отдалъ не генералъ Берхманъ, а генералъ Пржевальскій и при томъ не 20 декабря, а 19 въ семь часовъ утра».

Все это устанавливается документально и подтверждается представленными при донесеніи въ копіяхъ распоряженій генералъ-маіора Пржевальскаго и Вашихъ. Самъ генералъ Пржевальскій въ своемъ рапортѣ доноситъ:

«Фактически руководить войсками Сарыкамышской обороны, начальникомъ которыхъ продолжалъ оставаться я, генералъ Берхманъ началъ послѣ овладѣнія частями Кубинскаго и 15-го Туркестанскаго стрѣлковаго полковъ собственно Бардусскимъ перевалomъ, что затѣмъ

было закрѣплено пластунами 4-го и 5-го батальоновъ; Дербентцы во взятіи перевала не участвовали».

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ:

1) Задачу войскамъ Сарыкамышской обороны поставили не Вы.

2) По прибытіи въ Сарыкамышъ 18-го декабря въ командованіе войсками обороны не вступили, какъ то было условлено съ генераломъ Юденичемъ.

3) Войсками Сарыкамышской обороны до взятія Бардусскаго перевала руководилъ генералъ Пржевальскій.

4) Вы же вступили въ командованіе послѣ взятія Бардусскаго перевала.

Итакъ, сводя все вышесказанное, заключаю, что Вы не были единоличнымъ начальникомъ и не начальствовали Сарыкамышскимъ отрядомъ до взятія Бардусскаго перевала, почему я и не призналъ возможнымъ представить Васъ къ ордену Св. Георгія 4 ст., но нашелъ справедливымъ представить къ высокой наградѣ — ордену Св. Александра Невскаго съ мечами за направленіе конницы генерала Баратова и пластуновъ 2-ой бригады черезъ Бакшей, Каракуртъ къ Ель-Кечмезу, каковой маневръ былъ вполнѣ цѣлесообразнымъ и способствовалъ общему нашему успѣху.

Въ виду всего изложеннаго, въ отношеніи награжденія Васъ орденовъ Св. Георгія 4-й степени считаю, что съ моей стороны вопросъ является вполнѣ исчерпаннымъ.

Уважающій Васъ гр. *Воронцовъ-Дашковъ.*

Копія письма генерала Берхмана отъ 31 августа 1915 г. за № 70 графу Воронцову-Дашкову.

Состоящій въ распоряженіи Главнокомандующаго
войсками Кавказской арміи
Генералъ-отъ-Инфантеріи Берхманъ.

31 августа 1915 г. № 70. Гор. Тифлисъ. На № 19197.

Его Сіятельству Н. Н. Графу Воронцову-Дашкову Главнокомандующему Кавказскою арміей.

ВАШЕ СІЯТЕЛЬСТВО,

Глубокочтимый Графъ Илларіонъ Ивановичъ.

Высокая справедливость Вашего Сіятельства даетъ мнѣ полную надежду и увѣренность, что настоящее мое письмо, служащее мнѣ оп-

равданіемъ по обвиненію меня, — будто бы въ неправильномъ представленіи мною данныхъ, изложенныхъ въ моемъ рапортѣ отъ 12-го января сего года за № 2, о командованіи мною войсками Сарыкамышскаго отряда, — будетъ Вашимъ Сіятельствомъ разсмотрѣно въ сопоставленіи, представляемыхъ при семъ мною документовъ, съ донесеніями тѣхъ начальниковъ, кои показанія свои изложили въ особыхъ рапортахъ, послужившихъ основаніемъ отрицательнаго ко мнѣ письма Вашего Сіятельства отъ 4-го сего іюля за № 19197.

Генералъ Юденичъ въ рапортѣ своемъ, отъ 4-го марта сего года за № 5, Вашему Сіятельству доноситъ, что «о передачѣ мнѣ генераломъ Мышлаевскимъ командованія ему было неизвѣстно, а извѣстно лишь то, что въ командованіе отрядомъ я не вступалъ и единолично войсками не командовалъ».

Въ опроверженіе сего рѣзкаго и неправильнаго противъ меня показанія, прошу разрѣшенія Вашего Сіятельства доложить о нижеслѣдующемъ:

Телеграмма за № 51 генерала-отъ-инфантеріи Мышлаевскаго, оставившаго 15-го декабря минувшаго года, утромъ, Сарыкамышскій отрядъ и отбывшаго черезъ Каракуртъ въ Тифлисъ гласитъ: «Въ виду прорыва турокъ у Новоселима и создавшагося положенія у Карса, предлагаю Вамъ вступить въ командованіе войсками I-го Кавказскаго и Своднаго Корпусовъ».

Это предписаніе совершенно точно опредѣляетъ, что отнынѣ никто другой, а только я являюсь самостоятельнымъ и полноправнымъ начальникомъ, а главное отвѣтственнымъ предъ закономъ за участь большого ввѣреннаго моему командованію отряда (арміи), состоящаго изъ двухъ армейскихъ корпусовъ — (I Кавк. и Туркестанскаго) — и многихъ частей, не входящихъ въ корпуса (дружины, эксплуатаціонные баталіоны, нештатныя команды, тыловыя — питательныя, лѣчебныя и друг. учрежденія).

О томъ, что я вступилъ въ командованіе отрядомъ, я, того же 15-го декабря, донесъ Вашему Сіятельству № 95:

«Помощникъ Вашего Сіятельства генералъ-отъ-инфантеріи Мышлаевскій выѣхалъ изъ Сарыкамышскаго отряда въ 8 час. утра 15-го декабря черезъ Каракуртъ».

Въ то же время о своемъ вступленіи въ командованіе войсками отряда, я извѣстилъ всѣхъ соотвѣтствующихъ старшихъ подчиненныхъ мнѣ генераловъ и между ними генералу Юденичу 15-го декабря за № 937, телеграфировалъ:

«Генералъ Мышлаевскій изъ Сарыкамышскаго отряда по дѣламъ службы убылъ. Я вступаю въ командованіе этимъ отрядомъ».

На это Штабъ генерала Юденича (подпись кап. Гильбиха) запросилъ мой штабъ:

«Генералъ Юденичъ проситъ дать свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Сарыкамышѣ».

Кромѣ этого первоначальнаго моего извѣщенія о моемъ командованіи, генералъ Юденичъ, — за время, ведомой мною, съ моимъ штабомъ Сарыкамышской операціи, — разновременно получалъ отъ меня и точно исполнялъ мои ему предписанія, напр.:

1-ое. Телеграмма, относящаяся къ періоду отхода войскъ на Саганлугскія позиціи, 16-го декабря № 955.

«Станціи телеграфной роты должны сниматься вмѣстѣ съ проходомъ колоннъ главныхъ силъ, дабы телефонисты имѣли возможность убрать линію. При этомъ *предписываю* въ походныхъ колоннахъ держать связь въ глубину своими средствами, пользуясь, гдѣ возможно, прицѣпкою аппаратовъ къ устроеннымъ линіямъ» и т. д.

2-ое. Телеграмма, относящаяся къ развитію боевъ въ еще необъединенныхъ командованіемъ арріергардахъ.

«19-го декабря № 996. Нынѣ занимаемыя нами арріергардныя позиціи Вашимъ корпусомъ и 39-ой дивизіей должны *быть прочно удержаны въ Вашихъ рукахъ* весьма продолжительное время, такъ какъ *я имѣю намѣреніе разбить непріятеля подъ Сарыкамышемъ* и вновь перейти въ наступленіе на нашемъ фронтѣ. Разсчитываю, что при ожидаемомъ мною успѣхѣ подкрѣпленія къ Вамъ придутъ дня черезъ три».

3-ье. Той же телеграммой, 19-го декабря, за № 996, я объединяю командованіе двумя арріергардами подъ властью генерала Юденича и пишу ему:

«Отходъ нашихъ арріергардовъ долженъ быть объединенъ и 39-я дивизія должна дѣйствовать въ тѣсномъ единеніи съ Туркестанцами и зависѣть отъ нихъ, выполняющихъ особо важный и сложный маневръ, *почему организацію отхода* на этотъ случай *поручаю Вамъ*».

Объ этомъ моемъ распоряженіи я тогда же № 995 предписалъ и Начальнику средняго арріергарда генералу Де-Виттъ:

«Озабочиваясь успѣхомъ дѣйствія арріергардовъ, я организацію ихъ въ смыслѣ общаго управленія *поручилъ генералу Юденичу*».

4-ое. Говоря о дѣйствіи Сарыкамышскаго отряда, я, въ телеграммѣ 19-го декабря за № 1013, генералу Юденичу пишу:

«При успѣхѣ сегодня, *я имѣю намѣреніе*, подкрѣпивъ Васъ, *перейти* на Вашемъ фронтѣ *въ наступленіе и разбить одиннадцатый турецкій корпусъ*».

5-ое. Въ одну изъ тяжелыхъ минутъ арріергарднаго боя, о чемъ мнѣ донесъ генералъ Юденичъ, я ему, 20-го декабря № 1020, указалъ:

«Всѣ силы, которыя подъ Сарыкамышемъ имѣю, сегодня въ бой

введены съ утра и бой еще не кончился. Но, въ случаѣ нужды, *пришлю два баталіона Дербентцевъ, оставшихся у меня въ резервѣ*».

Позволено мнѣ будетъ думать, что сейчасъ представленные мною документы съ большой убѣдительностью свидѣтельствуютъ, что генералъ Юденичъ долженъ былъ не только знать о томъ, что по отъѣздѣ генерала Мышлаевскаго, я вступилъ въ командованіе Сарыкамышскимъ отрядомъ, но и не могъ не знать того, что и во все остальное время дальнѣйшей операціи я, а никто другой, продолжалъ этимъ отрядомъ командовать единолично, властно и увѣренно, направляя всѣ ввѣренныя мнѣ многочисленныя колонны и группы войскъ къ единой цѣли — успѣшно побить врага, что Господь Богъ и благословилъ меня сдѣлать.

Въ дальнѣйшемъ своемъ докладѣ, я представлю Вашему Сіятельству еще шире доказательства своей единоличной и непрерывной дѣятельности по командованію отрядомъ и о подчиненіи мнѣ во все время операцій генерала Юденича. А теперь считаю себя обязаннымъ доложить, что, если бы генералъ Мышлаевскій, убывая изъ отряда, и не сдалъ мнѣ командованія, то я, руководствуясь §§ 7 и 8 «Устава Пол. Службы» изд. 12 года, —«обязанъ былъ, какъ старшій изъ Начальниковъ принять на себя общую команду, не ожидая на то особыхъ распоряженій».

Старшинство «Уставъ» считаетъ по должности, а при равныхъ должностяхъ по чину.

Генералъ Юденичъ въ данную пору являлся только командиромъ Своднаго корпуса, образованнаго генераломъ Мышлаевскимъ отъ имени Вашего Сіятельства приказомъ въ Меджингертѣ 11-го декабря минувшаго года въ 4 час. 30 мин. пополудни.

Въ силу этого обстоятельства, я, какъ находящійся въ равной съ генераломъ Юденичемъ должности и чиномъ старше его, обязанъ былъ вступить въ командованіе отрядомъ безъ промедленія.

Если бы генералъ Юденичъ и не зналъ телеграммы генерала Мышлаевскаго, а равно, по какимъ-либо случайнымъ обстоятельствамъ не получилъ моего къ нему предписанія за № 937 о моемъ вступленіи въ командованіе отрядомъ, онъ все же обязанъ былъ руководствоваться параграфами «Уст. Пол. Сл.» и не полагать себя, какъ онъ изволилъ въ своемъ рапортѣ № 5 выразиться, что онъ дѣйствовалъ. «какъ равный съ равнымъ».

Двоевластія, конечно, не могло быть мною допущено и въ дѣйствительности его и ни одной минуты въ отрядѣ не было.

Въ случаѣ несогласія генерала Юденича съ моимъ старшинствомъ, онъ обязанъ былъ тогда же объ этомъ заявить либо личнымъ объясненіемъ со мной по этому поводу, либо своимъ приказомъ или контръ-приказомъ.

Но разъ этого не было сдѣлано, слѣдовательно генералъ Юденичъ зналъ, что въ отрядѣ есть уже полноправное командующее лицо и что лицомъ этимъ былъ именно я, ибо онъ постоянно со мной сносился, какъ лично по телефону, такъ и черезъ командированныхъ лицъ. Въ то же время онъ исполнялъ всѣ мои приказанія, какъ я выше доложилъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда, по его выраженію, онъ «властно настаивалъ» и когда мысли и желанія его шли въ разрѣзъ съ моими.

Такъ, укажу на слѣдующее: генералъ Юденичъ, говоря о себѣ выражается: «на необходимости задерживаться на арріергардныхъ позиціяхъ указалъ и настоялъ я, настаивалъ властно».

Необходимость задерживаться на арріергардныхъ позиціяхъ совершенно естественна при всякомъ отходѣ войскъ подъ ударами противника, тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, когда арріергардамъ некуда было идти, ибо путь черезъ Сарыкамышъ противникомъ былъ занятъ. Конечно, указанная необходимость и мнѣ хорошо была извѣстна, и при томъ она давно уже была мною указана войскамъ, когда имъ передавался къ исполненію особый планъ и порядокъ отхода войскъ съ передовыхъ позицій въ томъ числѣ дано было такое же предписаніе и генералу Юденичу.

Отходъ войскъ на Саганлугскія позиціи составляетъ только часть широкаго плана *) всей Сарыкамышской операціи, созданнаго лично мною и разработаннаго при участіи моего штаба и въ этомъ планѣ генералъ Юденичъ никакого участія не принималъ, а получилъ лишь приказаніе объ отходѣ его корпуса и исполнилъ все согласно моего желанія и предписанія.

Вотъ тогда-то, это было 17-го декабря, когда уже средній арріергардъ генерала Де-Виттъ отходилъ съ Чермукской позиціи на Меджингертъ, генералъ Юденичъ дѣйствительно настаивалъ на томъ, чтобы этотъ арріергардъ задержать на Чермукѣ еще однѣ сутки. Онъ мнѣ объ этомъ писалъ и, кромѣ того, командировалъ для личнаго мнѣ объ этомъ доклада Ген. Штаба капитана (нынѣ подполковника) Драценко. Но дабы не нарушить моего общаго плана и черезъ то не подвергнуть нѣкоторыя отходящія колонны опасности быть разбитыми, я «настоянія» генерала Юденича не принялъ и приказалъ ему исполнить согласно мною предначертаннаго.

Такимъ образомъ отходъ всѣхъ войскъ съ передовыхъ позицій продолжался до тѣхъ поръ, пока я 18-го декабря не остановилъ его.

Полагаю, что генералъ Юденичъ этотъ эпизодъ вспомнитъ и рядомъ со своею неуслышанною мною «властностью» поставитъ и мою «властность», которой онъ, — вопреки мнѣнія своего, «настоянія» и донесенія о томъ Вашему Сіятельству, — подчинился.

---

*) Планъ операціи будетъ доложенъ ниже.

Что все это было такъ, не сомнѣваюсь, — подтвердятъ мой Начальникъ Штаба генералъ-маіоръ Ласточкинъ и чины Генеральнаго Штаба подполковникъ Сергѣевъ и капитанъ Соколовъ, да и увѣренно думаю, что и самъ капитанъ (нынѣ подполковникъ) Драценко, которому во время этого же его мнѣ доклада, Начальникомъ моего Штаба, отъ моего имени, было замѣчено, что генералъ Юденичъ сносится съ Главнокомандующимъ помимо меня, на что права онъ не имѣетъ. Какъ бы въ оправданіе этого дѣйствія капитанъ Драценко доложилъ, что до сего времени была послана, минуя меня, лишь одна телеграмма и что копію таковой, за недосугомъ, они мнѣ представить не успѣли.

Все это еще разъ и положительно подтверждаетъ, что о моемъ командованіи отрядомъ генералу Юденичу нельзя было не знать и, что командованіе это во всѣ дни его было дѣятельно, единолично и властно.

Теперь позволено мнѣ будетъ, опираясь на такіе же точные и неопровержимые документы, опровергнуть неправильное сужденіе о моемъ отступленіи и неправильный докладъ Вашему Сіятельству генерала Пржевальскаго (рапортъ его отъ 2-го мая сего года за № 75) и штаба обороны и доказать, что и въ отношеніи этой группы, — группы войскъ генерала Пржевальскаго, — мною было проявлено такое же личное мое надъ нею руководительство, какъ и надъ всѣми остальными войсками отряда и при томъ въ теченіе всего періода Сарыкамышской операціи, начиная съ минуты моего вступленія въ командованіе отрядомъ — 15-го декабря по день разгрома турокъ подъ Сарыкамышемъ, который совершился исключительно по моему плану, по моему приказу и подъ непосредственнымъ моимъ руководительствомъ.

Но, чтобы все послѣдующее было вполнѣ ясно, убѣдительно и доказательно, я полагаю необходимымъ сперва доложить Вашему Сіятельству общій планъ всей Сарыкамышской операціи, изъ котораго, лишь какъ составныя его части, вытекаютъ отдѣльныя дѣйствія войсковыхъ группъ и колоннъ: генераловъ Юденича, Пржевальскаго, Де-Виттъ, Баратова, Габаева и др. начальниковъ.

Планъ этотъ неотъемлемо принадлежитъ мнѣ, — онъ разработанъ и побѣдно проведенъ въ жизнь лично мною, въ сотрудничествѣ Начальника моего Штаба генералъ-маіора Ласточкина (тогда полковника) и капитановъ Соколова и Сергѣева (нынѣ подполковника) и, конечно, исполнителей его, всѣхъ большихъ и малыхъ начальниковъ ввѣренныхъ моему командованію доблестныхъ Кавказскихъ и Туркестанскихъ войскъ.

Планъ состоялъ въ томъ, чтобы прежде всего направить въ Сарыкамышъ такое число войскъ, которое могло бы противостоять, не вполнѣ еще опредѣленному по численности непріятелю, туда приближающемуся, а затѣмъ оставить на нашемъ фронтѣ такую войсковую силу,

которая могла бы надежно бороться съ одиннадцатымъ турецкимъ корпусомъ, усиленнымъ войсками Эрзерумской крѣпости и наступающимъ на насъ со стороны Керникея.

Найти это необходимое равновѣсіе силъ являлось задачей чрезвычайно трудной и въ то же время высоко-отвѣтственной, такъ какъ отъ правильнаго рѣшенія таковой въ огромной долѣ зависѣлъ успѣхъ всей операціи; но, благодаря Бога, это равновѣсіе было мной найдено и въ строгой послѣдовательности было проведено въ исполненіе и въ жизнь.

Фронтъ моихъ позицій: Сапомеръ-Ардосъ-Хоросанъ-Юзеранъ имѣетъ протяженіе около 35-ти верстъ и позиціи эти лежатъ отъ Сарыкамыша въ разстояніи отъ 60-ти до 80-ти верстъ. Въ тылу сильный и многочисленный врагъ грозитъ неминуемой гибелью Сарыкамышу и занялъ уже нашъ желѣзнодорожный путь съ Карсомъ.

Продовольствія у меня, со всѣми Сарыкамышскими складами, едва-ли хватитъ на 8-10 дней (съ 19 декабря ежедневная дача людямъ хлѣба была мною уменьшена до одного фунта), мѣстныхъ средствъ нѣтъ; боевые запасы въ ограниченномъ количествѣ.

Въ такихъ условіяхъ первой и естественной мыслью каждаго начальника, оказавшагося на моемъ мѣстѣ, должно быть желаніе во что бы то ни стало открыть себѣ путь къ Карсу и для этого надо либо разбить противника у Сарыкамыша и отбросить его въ сторону, либо, если бы это оказалось намъ не подъ силу, сквозь него пробиться.

Такимъ образомъ мнѣ предстояло избрать то или другое рѣшеніе, а еще лучше сочетать оба рѣшенія въ одномъ, въ такихъ условіяхъ, чтобы изъ лучшаго — разбить противника, могло вытекать, при неудачѣ, второе, хоть и менѣе желательное, — пробиться сквозь ряды турокъ и уйти съ войсками въ Карсъ.

Казалось бы, что этотъ выводъ правильный и его никто оспаривать не можетъ и не станетъ.

Во исполненіе того или другого рѣшенія, т. е. разбить - ли врага или только пробиться сквозь него, мнѣ прежде всего, для прочности обороны половиннымъ числомъ войскъ, было необходимо сузить фронтъ моихъ позицій, расположенныхъ противъ XI корпуса, угрожавшаго мнѣ опаснымъ прорывомъ.

Генералъ Де-Виттъ 15-го декабря телеграфируетъ: «Турки повели энергичную атаку на лѣвый флангъ нашей позиціи, а также центръ у Ардоса. Ведется также ими атака на Хоросанъ, защищаемый двумя ротами Бакинцевъ: въ виду важнаго значенія Хоросана, — отъ него отходятъ пути Н. Ахалцихъ и Чермукъ, усиливаю этотъ флангъ: въ виду создавшагося положенія *оказать содѣйствіе Туркестанцамъ не могу*».

Тогда же, второй телеграммой, онъ мнѣ доноситъ: «Въ 5 часовъ

вечера *части отошли подъ давленіемъ противника,* въ полномъ порядкѣ съ Азапкейской позиціи *на главную».*

Этого съуженія я достигалъ только отводомъ войскъ назадъ на наши Саганлугскія позиціи: Караурганъ — Меджингертъ, направляя въ то же время отдѣльную конную группу на Башкейское плато, гдѣ, въ случаѣ нужды, она могла легко укрыться за Араксомъ у Каракурта.

Новая позиція Караурганъ — Меджингертъ, ставши протяженіемъ только 12 верстъ, позволила мнѣ еще болѣе ослабить мой фронтъ и взять отъ него въ Сарыкамышъ еще нѣкоторыя войсковыя части. Занятіемъ этихъ новыхъ позицій, я въ то же время въ половину сократилъ и разстояніе до нихъ отъ Сарыкамыша, которое вмѣсто 60-80-ти верстъ стало теперь только 30-ть верстъ. Эта, вдвое сокращенная, близость новыхъ позицій къ Сарыкамышу позволяла мнѣ безъ особаго затрудненія, въ случаѣ нужды, подкрѣплять ту или другую изъ своихъ сторонъ, т. е. свои арріергарды или Сарыкамышскую группу, а въ случаѣ крайности, сблизившись теперь съ моими арріергардами, мнѣ было легче пробиваться на Карсъ. Были многія и другія выгоды такого сближенія, напримѣръ: подвозъ къ войскамъ продовольствія и боевыхъ припасовъ.

Когда по всестороннемъ обсужденіи, для меня вполнѣ ясно обрисовались способы и возможность искуснымъ маневромъ и упорнымъ боемъ вывести ввѣренныя мнѣ войска изъ тяжкаго положенія, въ которомъ онѣ въ данную минуту оказались, я отдалъ приказъ войскамъ, стоящимъ на фронтѣ, начать отходъ съ передовыхъ позицій на Саганлугскія и на Башкейское плато.

Что таковое распоряженіе было совершенно правильно и естественно, и вытекало изъ обстановки, никого изъ ввѣренныхъ мнѣ Начальниковъ не удивило и ему легко и безъ всякаго возраженія подчинились всѣ генералы, а въ томъ числѣ и генералъ Юденичъ, который, какъ я уже выше доложилъ, просилъ меня 17-го декабря лишь о задержаніи арріергарда генерала Де-Виттъ на позиціи у Чермука на одинъ день, чего я, по объясненнымъ выше причинамъ, разрѣшить не могъ и отходъ продолжался.

Какъ понимали, такъ сказать, это мое отступленіе и какъ къ нему относились другіе генералы приведу для примѣра телеграмму генерала Баратова ко мнѣ отъ 15-го декабря.

«Отъ лица всей правобережной казачьей группы приношу Вашему Высокопревосходительству сердечное поздравленіе съ избавленіемъ отъ грозившей нашему общему положенію опасности. Всѣ командиры, офицеры и казаки ввѣренной мнѣ группы воодушевлены желаніемъ традиціонной побѣды надъ нашимъ историческимъ противникомъ и были безконечно огорчены движеніемъ назадъ. Теперь же всѣ подобно

своему Командиру корпуса воспрянули духомъ въ этой могучей надеждѣ».

Отдавая такимъ образомъ распоряженіе объ отходѣ съ передовыхъ позицій, мнѣ въ то же время пришлось все свое вниманіе устремить и на Сарыкамышъ. Онъ есть ворота, которыя въ данную пору для меня и для отряда крѣпко заперты врагомъ. Естественно надо эти ворота во что бы то ни стало раскрыть и для этого я ежечасно, соображая кого можно взять съ фронта, шлю туда подкрѣпленія, инструктирую начальниковъ гарнизона по телефону и предписаніями и шлю имъ — сперва полковнику Барковскому, а послѣ генералу Пржевальскому особыя телеграммы, съ указаніемъ — «бить турокъ въ Сарыкамышѣ во что бы то ни стало», и тѣмъ скорѣе освободить отрядъ изъ того тяжкаго положенія, въ которомъ онъ находится.

Эти телеграммы приведены въ письмѣ Вашего Сіятельства, какъ бы доказательство того, что я съ одной стороны хотѣлъ съ отрядомъ отступать, а съ другой стороны, вѣроятно, какъ указаніе на самостоятельность Сарыкамышской группы.

Что мною дѣйствительно предпринятъ былъ отходъ, я и самъ утверждаю и о немъ говорятъ всѣ мои предыдущія разсужденія и даже болѣе того, я старался загляпуть далеко впередъ, тревожась мыслью о томъ, чѣмъ я буду кормить людей послѣ того, когда побью турокъ или только пробьюсь черезъ нихъ. На этотъ случай — о заготовленіи хлѣба на весь отрядъ — я нѣсколько разъ телеграфировалъ Коменданту Карса.

Я предписывалъ также и генералу Габаеву, требуя его къ себѣ на помощь. И все же всѣ эти мои распоряженія, какъ смѣю думать, отнюдь не могутъ служить мнѣ упрекомъ, а скорѣе одобреніемъ моей широкой, всесторонней дѣятельности, моей далекой и необходимой для старшаго отвѣтственнаго Начальника предусмотрительности.

Что же касается возможности усмотрѣть въ моихъ телеграммахъ будто бы указаніе о передачѣ мною Начальнику Сарыкамышской группы, полной самостоятельности и независимости отъ меня — то это едвали возможно, такъ какъ онѣ прямо-таки свидѣтельствуютъ, что цѣль ихъ подбодрить войска группы и воздѣйствовать на нихъ морально. Къ этому пріему я вообще часто и съ пользою прибѣгалъ въ своихъ предписаніяхъ, телеграммахъ и рѣчахъ. Къ слову сказать, мнѣ доводилось въ критическую минуту именно и налегать на этихъ доблестныхъ, безъ-завѣтно храбрыхъ и славныхъ Кабардинцевъ, отъ которыхъ всегда ждалъ себѣ вѣрной выручки.

Телеграммы эти, какъ мнѣ кажется, не только не свидѣтельствуютъ о томъ, что я сложилъ свою власть, а скорѣе убѣдительно доказываютъ, что я не ограничивался властью лишь въ смыслѣ исключительныхъ

распоряженій и приказаній, а иногда, и даже часто прибѣгалъ къ моральному воздѣйствію на войска.

Итакъ, отходъ съ передовыхъ позицій былъ мною рѣшенъ и предписанъ. Во исполненіе такового, были образованы три большихъ, отдѣльныхъ, самостоятельныхъ аріергарда: генерала Юденича — правый, отходящій отъ Саномера на Зивинъ и Караурганъ; средній — генерала Де-Виттъ, слѣдующій отъ Ардоса, чрезъ Чермукъ, на Меджингертъ и лѣвый — генерала Баратова шелъ чрезъ Делибабу, Каракилису на Башкейское плато.

Для связи между колоннами генерала Баратова и генерала Де-Витть назначенъ былъ особый конный отрядъ полковника Федюшкина (казачій полкъ съ конной батареею), который, подходя къ Сурпхачу, получалъ еще и другую задачу — прикрывать всѣ доступы чрезъ эту гору. Сверхъ этихъ колоннъ у Ханскаго поста близъ Бардусскаго перевала, находился особый отрядъ — заслонъ, прерывавшій кратчайшій путь сообщенія турокъ между Сарыкамышемъ и Эрзерумомъ.

Этотъ отрядъ, имѣвшій первоначальной цѣлью обезпечить нашъ правый флангъ, еще 10-го декабря въ составѣ стрѣлковаго полка съ батареею, былъ выдвинутъ мною къ Сырбасану и вошелъ въ связь съ пограничнымъ моимъ отрядомъ на Бардусскомъ посту. Этотъ небольшой отрядъ, прикрывавшій правый флангъ, генераломъ Юденичемъ былъ значительно усиленъ и обратился въ надежный отрядъ-заслонъ.

Обозы всѣхъ войскъ съ передовыхъ позицій были отодвинуты: Туркестанскаго корпуса въ самый Сарыкамышъ, а частью онѣ сосредоточились у станціи Саганлугъ, а обозы I Кавказ. корпуса-колоннъ: генераловъ Баратова и Де-Виттъ пошли чрезъ Делибабу на Башкей, откуда были мною направлены, — подъ командой полковника Хетогурова, — въ Кагызманъ, а послѣ сосредоточились близъ сел. Владикарсъ.

Съ перваго дня появленія турокъ подъ Сарыкамышемъ, тамъ нами стала формироваться особая группа войскъ, которой задача была противостать подходящему къ Сарыкамышу противнику. Эта группа по своей численности была сперва очень незначительна, — въ нее вошли лишь войска Сарыкамышскаго гарнизона (двѣ дружины, двѣ эксплуатаціонныя роты и разныя нештатныя команды, тамъ же и оказались, кажется, 4 пулемета 2-й пластунской бригады). Распоряженіемъ генерала Мышлаевскаго, тогда еще бывшаго въ отрядѣ, во главѣ этихъ войскъ въ первый день были поставлены находившіеся въ Сарыкамышѣ генералъ-маіоръ Воропановъ, полковникъ Букретовъ, полковникъ Рубенау (вѣдающій снабженіемъ Сарыкамышскаго отряда), полковникъ Занковскій и нѣкоторыя другія лица. Отвѣтственнымъ Начальникомъ явился старшій изъ нихъ генералъ-маіоръ Воропановъ, котораго, од-

нако, вскорѣ замѣнилъ полковникъ Барковскій, прибывшій туда съ Кабардинскимъ полкомъ.

Полковникъ Букретовъ, получивъ въ свое непосредственное командованіе нѣкоторую часть войскъ, выдвинулся съ ними къ Верхнему Сарыкамышу навстрѣчу передовому отряду турокъ, направлявшемуся на Бардусскій перевалъ (лежитъ въ 4-хъ верстахъ надъ Верхнимъ Сарыкамышемъ). Здѣсь, 12 декабря произошла первая встрѣча съ непріятелемъ и полковникъ Букретовъ успѣшно отразилъ его атаки на Сарыкамышъ; но съ прибытіемъ къ туркамъ значительныхъ подкрѣпленій, онъ принужденъ былъ отойти къ В. Сарыкамышу, гдѣ и задержался. Когда же къ Сарыкамышу стали подходить съ фронта наши подкрѣпленія, то полковникъ Букретовъ снова и во всѣ послѣдующіе дни стремится отнять у турокъ Бардусскій перевалъ, имѣющій громадное значеніе, какъ высшая точка, лежащая на пути движенія турокъ и какъ высота, командующая надъ всѣмъ Турнагельскимъ хребтомъ, охватывающимъ Сарыкамышъ съ сѣверо-запада-сѣвера и по которому стали располагаться подходящія туренкія войска.

Остальныя войска гарнизона, — сперва съ Генераломъ Воропановымъ, потомъ съ Полковникомъ Барковскимъ, а впослѣдствіи, съ 16-го декабря, и съ Генераломъ Пржевальскимъ, подкрѣпляя Букретова, — обороняли желѣзнодорожный вокзалъ и Нижній Сарыкамышъ. На этой линіи обороны за весь періодъ осады Сарыкамыша наши войска выдерживали многочисленный рядъ упорныхъ атакъ турокъ, производимыхъ днемъ и ночью.

Изъ изложеннаго вытекаетъ, что для успѣшной обороны и для господства нашего надъ турками, намъ прежде всего надлежало прочно стать на Бардусскомъ перевалѣ, который и въ дѣйствительности, какъ это уже доложено, съ перваго нашего столкновенія съ турками является для насъ назойливой и исключительной цѣлью дѣйствій. Къ этой цѣли по-очереди стремятся всѣ, слѣдуемые другъ за другомъ Начальники. Полковники: Букретовъ, Барковскій и Генералъ Пржевальскій.

Что это такъ, вѣроятно, подтвердятъ чины моего штаба и Штаба Генерала Мышлаевскаго, который, въ бытность свою Начальникомъ Сарыкамышскаго отряда 13 и 14-го декабря, черезъ своего Начальника Штаба и другихъ лицъ, непрестанно и настоятельно, — бесѣдуя по телефону съ Сарыкамышемъ, — все время добивался взятія Бардусскаго перевала.

Вышеприведеннымъ я хочу доложить, что идея взятія Бардусскаго перевала возникла въ первый моментъ появленія турокъ и возникла совершенно естественно, вытекая изъ сущности вещей, и собственно права на эту идею никто имѣть не можетъ.

Обращаясь вновь къ изложенію общаго плана всей Сарыкамыш-

ской операціи, Вашему Сіятельству имѣю честь доложить, что 15-го декабря, — въ день моего вступленія въ командованіе отрядомъ — Генералъ Пржевальскій, направляемый съ ввѣренной ему пластунской бригадой въ Сарыкамышъ, только что въ это утро выступалъ изъ Меджингерта. Я видѣлся съ нимъ и видѣлъ славныхъ пластуновъ, когда они двигались въ Сарыкамышъ.

Въ утро этого дня, 15 декабря, когда только что началось движеніе пластуновъ, я уже вступилъ въ должность Начальника Сарыкамышскаго отряда, и тогда же приказалъ Генералу Пржевальскому выдѣлить двѣ сотни пластуновъ и, придавъ имъ одну батарею, командировать ихъ въ селеніе Мечетли, дабы воспрепятствовать тамъ возможному распространенію турокъ отъ Сарыкамыша на Каракуртъ.

Мое предписаніе Генералу Пржевальскому отъ 15 декабря, за № 4: «*Предписываю Вамъ*, съ полученіемъ сего, выдѣлить двѣ сотни пластуновъ, два легкихъ орудія 39-й бригады и 2 пулемета и немедленно отправить ихъ по натрульной дорогѣ черезъ постъ Исламзоръ — на Каракуртъ, дабы этотъ отрядъ составилъ тамъ боковой авангардъ, прикрывающій проходящія войска и обозы со стороны Сарыкамыша. Отряду полагалъ бы занять позицію, гдѣ либо около Мечетли, и наблюдать въ сторону Сарыкамыша. Довольствоваться мѣстными средствами, уплачивая наличными деньгами съ отдачей о томъ въ приказѣ по части».

Затѣмъ, Генералъ Пржевальскій продолжалъ свое движеніе, а я, въ этотъ и послѣдующіе дни, на усиленіе его, сталъ командировать ему вслѣдъ другія войсковыя части (преимущественно артиллерію), каковыя находилъ желательнымъ и возможнымъ снимать съ нашего фронта.

Возникшее сейчасъ мое взаимоотношеніе съ Генераломъ Пржевальскимъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ Генералъ съ 15-го декабря утра, — слѣдуя въ Сарыкамышъ, и тутъ-же, исполняя мое приказаніе о выдѣленіи нѣкоторой своей части, — находился въ полномъ и непосредственномъ моемъ подчиненіи, какъ Начальника Сарыкамышскаго отряда; а кромѣ того онъ-же, съ ввѣренною ему пластунскою бригадою, былъ мнѣ еще и подчиненъ, какъ своему командиру корпуса.

Въ силу изложеннаго, я позволяю себѣ нѣсколько удивиться тому обстоятельству, что Генералъ Пржевальскій въ своемъ рапортѣ, отъ 2-го мая сего года за № 75, допускаетъ мысль о какой-то его самостоятельности и даже говоритъ о ней и въ то время, когда я, такъ сказать, его двойной начальникъ прибылъ въ Сарыкамышъ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ совмѣстно съ нимъ.

За отъѣздомъ изъ отряда Генерала Мышлаевскаго и по моемъ

вступленіи въ командованіе отрядовъ, Генералъ Пржевальскій уже не только не имѣетъ права руководствоваться его инструкціями, но даже ссылаться на нихъ.

Съ этой минуты въ отрядѣ дѣйствуетъ одна моя воля и исполняются только мои приказанія.

Генералъ Пржевальскій при мнѣ съ бригадою направился въ Сарыкамышъ, при мнѣ, и уже только съ моего разрѣшенія, вступилъ тамъ въ командованіе Сарыкамышской группой. А стало-быть, о томъ, что я вступилъ въ командованіе отрядомъ и, что онъ подчиненъ только мнѣ и нѣтъ у него другого начальника, Генералъ Пржевальскій зналъ и не изъ одного нашего взаимно-служебнаго положенія, но и былъ утвержденъ въ этомъ званіи еще и самимъ Генераломъ Мышлаевскимъ, прославившимъ ему особую руководящую телеграмму: это видно изъ первой-же ко мнѣ телеграммы Генерала Пржевальскаго изъ Сарыкамыша, отъ 16-го декабря, за № 4, которой онъ доноситъ: «15-го декабря, ночью, съ полученіемъ (мною) телеграммы Генерала Мышлаевскаго *о сдачѣ (имъ) командованія войсками Вашему Высокопревосходительству*, (я) рѣшилъ, для того, чтобы открыть путь войскамъ Сарыкамышской группы, продолжать наступленіе на турокъ, занимающихъ позицію на высотахъ къ сѣверу отъ Сарыкамыша» и т. д., гдѣ онъ излагаетъ свой боевой приказъ.

Затѣмъ, отъ 16-го, 17-го и 18-го декабря Генералъ Пржевальскій получаетъ мои указанія и многократно мнѣ доноситъ о своихъ дѣйствіяхъ, свидѣтельствующихъ о полной и сознательной его мнѣ подчиненности, таковы телефонограммы:

1-я, 16-го декабря, № 32: «Въ настоящее время всѣ усилія направлены на овладѣніе Бардусскимъ переваломъ и на отраженіе наступленія съ сѣверо-востока, на послѣднемъ направленіи достигнуты успѣхи, на первомъ — турки оттѣснены до южныхъ опушекъ Турнагельскихъ высотъ. Шоссейное движеніе свободно съ сумерекъ и только днемъ подвергается обстрѣлу турецкой батареи съ Бардуса, хотя и днемъ смѣлые обозы проходятъ безъ потерь. Инструкція 320 получена».

2-я, 17-го декабря № 36: «Накапливаніе турокъ въ ущельѣ, гдѣ проходитъ желѣзная дорога, завершилась ихъ нападеніемъ на мостъ, при чемъ убитъ Полковникъ Кравченко и подъесаулъ Гензель. Устанавливаемъ прожекторъ на горахъ у казармъ».

3-я, 17-го декабря, № нѣтъ:

«*Докладываю* копіи телефонограммъ, полученныхъ мною о результатахъ сегодняшняго боя» и т. д. Слѣдуютъ донесенія частныхъ начальниковъ, подчиненныхъ Генералу Пржевальскому.

4-я, 17-го декабря, № 586: «Начальникъ коннаго отряда, 2 час. 15 мин. дня доноситъ, что въ 1 час. 30 мин. дня отрядъ дошелъ до сел.

Ель-Кечмезъ, который былъ занятъ силами турокъ» и т. д., слѣдуетъ описаніе дѣйствій упомянутаго отряда.

5-я. 17-го декабря, № 874:

Предписаніе Генералу Пржевальскому отъ моего имени Начальника моего штаба: «Въ Сарыкамышѣ до начала боевъ скопилось болѣе двухъ тысячъ запасныхъ, высланныхъ на укомплектованіе частей Сарыкамышскаго отряда. *Начальникъ отряда приказалъ* одну треть укомплектованій распредѣлить по частямъ, дѣйствующимъ подъ Сарыкамышемъ, на пополненіе понесенной ими убыли. Сообщите, сколько укомплектованій, въ какую часть будетъ Вами назначено, вмѣстѣ съ запасными распредѣлите только что выпущенныхъ изъ училища прапорщиковъ, расчитывая двадцать въ первую пластунскую, двадцать пять — во вторую, прочихъ — въ армейскую пѣхоту. Списокъ прапорщиковъ имѣется у старшаго прапорщика Чечеля».

Кромѣ сихъ примѣрныхъ телеграммъ, говорящихъ о частыхъ донесеніяхъ Генерала Пржевальскаго мнѣ, какъ начальнику отряда, имѣются также нѣсколько донесеній и Полковника Букретова, который, вслѣдствіи частой смѣны старшихъ начальниковъ въ Сарыкамышѣ, почелъ болѣе правильнымъ о своихъ дѣйствіяхъ на Бардусскомъ перевалѣ непосредственно извѣщать и меня, а именно:

1) отъ 17-го декабря (№ нѣтъ): «Наступленіе идетъ хорошо, *высоты Бардусскаго перевала постепенно занимаются нами*».

2) Отъ 17-го декабря (№ нѣтъ): «На западномъ склонѣ Бардусскаго перевала обнаружены турецкіе окопы, у которыхъ видны отдѣльные люди» и т. д. Слѣдуютъ подробности боя на Бардусскомъ перевалѣ.

Послѣ только что мною доложеннаго можетъ ли явиться какой-либо вопросъ о правѣ генерала Пржевальскаго на самостоятельность и независимость отъ меня, когда, 18-го декабря, я лично прибылъ въ Сарыкамышъ, на мѣсто дѣйствія войсковой группы, подчиненной Генералу Пржевальскому, но руководимой мною. За ея конечныя — побѣдныя или, избави Богъ, неудачныя боевыя дѣйствія, отвѣтственнымъ былъ только я и никто другой.

Въ письмѣ Вашего Сіятельства, указано, что, по моемъ прибытіи въ Сарыкамышъ, я въ командованіе войсками не вступилъ.

Это заключеніе основано на рапортѣ Генерала Пржевальскаго за № 75, въ которомъ онъ докладываетъ, что «по прибытіи въ Сарыкамышъ, я предоставилъ ему самостоятельно руководить войсками Сарыкамышской обороны».

Ваше Сіятельство, Генералъ Пржевальскій очевидно неправильно понялъ обычную и часто произносимую Начальникомъ, въ извѣстныхъ

случаяхъ, фразу: «Я Вамъ мѣшать не буду, продолжайте Ваше командованіе войсками».

Каждый изъ подчиненныхъ мнѣ шести-семи крупныхъ начальниковъ, въ данную минуту дѣйствовалъ при условіяхъ той-же самостоятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они ежеминутно и всецѣло подчинялись моему управленію.

Могъ-ли я, — все время руководя Генераломъ Пржевальскимъ издали изъ Меджингерта, что видно изъ приложенныхъ выше документовъ — отказаться отъ контроля надъ нимъ, въ то время, когда съ этою спеціальною цѣлью прибылъ въ Сарыкамышъ.

Ведя одновременно шесть большихъ колоннъ и нѣсколько второстепенныхъ къ одной общей высокой побѣдной цѣли, — могъ ли я, повторяю, выпустить изъ своихъ рукъ бразды высшаго правленія, хотя надъ одной изъ нихъ, хотя бы на самое короткое время.

Нѣтъ, конечно, нѣтъ, — это не могло быть мною допущено, ни по закону, — не дающаго мнѣ права передовѣрія власти и отвѣтственности, при личномъ нахожденіи при войскахъ, — ни тѣмъ болѣе изъ опасенія неизбѣжнаго и полнаго черезъ то разстройства общаго, широкаго исполненія всей Сарыкамышской операціи.

Надо ли доказывать какими либо особыми документами, что я, какъ старшій Начальникъ и послѣ моихъ словъ: «Я Вамъ не буду мѣшать», остался тѣмъ же старшимъ, отвѣтственнымъ и общимъ руководителемъ надъ Сарыкамышской группою, какъ и надъ всѣми остальными.

Всѣ мои послѣдующія распоряженія, которыя я съ 19-го декабря утра дѣлаю по всѣмъ колоннамъ, для подготовки генеральной атаки противника, непреложно доказываютъ, что группа Генерала Пржевальскаго не могла быть отъ нихъ независимой. Эти распоряженія суть слѣдующія:

1) Предписаніе Генералу Баратову *19-го декабря № 997: «Завтра атакую противника подъ Сарыкамышемъ и долженъ разбить его.* Во исполненіе сего предписываю оставить для прикрытія Башкейскаго плато и Каракурта аріергардъ, силою по Вашему усмотрѣнію, руководствуясь соображеніями съ силами насѣдающаго противника и съ необходимость долго и упорно его задерживать,*дабы: первое, мы могли окончить операцію у Сарыкамыша*, и, второе, дать возможность уйти спокойно нашимъ обозамъ, направляемымъ на Кагызманъ. Съ остальными войсками Вамъ сегодня же, буде не помѣшаютъ какія либо особыя обстоятельства, слѣдуетъ двигаться на Мечетли и Амамлы, куда прибыть къ вечеру и возможно не обнаруживая себя туркамъ, тамъ стать на ночлегъ. Немедленно установить со мною въ Сарыкамышѣ связь и сообщить о прибытіи Вашихъ силъ. Рекомендую оставить осо-

бо надежнаго Начальника арріергарда, — думаю, что Полковникъ Колюбакинъ отвѣчаетъ этому требованію. Въ составъ арріергарда у Каракурта должна войти и 583 дружина, *о чемъ, вмѣстѣ съ симъ, посылаю предписаніе ея командиру.* О полученіи этой телеграммы, увѣдомьте».

2) *19-го декабря* Генералу Баратову № 1000: «*Обстоятельства не терпятъ ни малѣйшаго промедленія въ операціяхъ, которыя должны быть завтра исполнены и окончены.* Необходимо крайнее напряженіе силъ, чтобы добиться успѣха, могущаго дать намъ полный отдыхъ. Напрягите всѣ силы, стяните кого можно, безъ ущерба дѣлу и безъ крайняго утомленія, всѣхъ, могущихъ съ утра 20 принять участіе въ бою».

3) Генералу Баратову *20-го декабря,* № 1018: «Сегодня 20 декабря, въ Али-Софи сосредоточится 4½ батальона пластуновъ 2-й бригады и 10 конныхъ сотенъ изъ состава Вашей дивизіи. *Предлагаю Вамъ присоединить къ этому составу отряды Генерала Воронова и Габаева,* вышедшіе изъ Карса и, по имѣющимся свѣдѣніямъ, находящіеся между Ново-Селимомъ и Ель-Кечмезомъ. Произведя этими силами развѣдку о силахъ непріятеля у Дивика и Чатаха, — *рѣшительно атаковать турокъ* и отбросить ихъ возможно далѣе отъ полотна желѣзной дороги, *а конницей вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзать имъ путь отступленія на сѣверо-западъ.* Имѣть въ виду, что у Дивика и Чатаха *я предполагаю лѣвый флангъ турокъ, а правый ихъ флангъ находится на хребтѣ къ сѣверу отъ В. Сарыкамыша.* Нашими непрестанными атаками турки значительно отодвинуты въ горы и, повидимому, очень ослаблены холодомъ, голодомъ, понесенными пораженіями и готовятся къ отступленію, а потому Ваши дѣйствія должны носить самый рѣшительный характеръ. *На фронтѣ и на правомъ флангѣ послѣдуютъ наши атаки, какъ только станетъ извѣстно о Вашемъ наступленіи* съ тою же цѣлью, со стороны Дивика и Чатаха. При всѣхъ условіяхъ Вашихъ дѣйствій противъ непріятеля, одна изъ главнѣйшихъ цѣлей Вашихъ должна быть удержаніе въ нашихъ рукахъ желѣзнодорожной линіи на Карсъ и обезпеченія ея отъ поврежденія со стороны непріятеля, дабы безпрепятственно происходилъ подвозъ по ней всякаго рода припасовъ, эвакуація больныхъ, раненыхъ и плѣнныхъ. *Со мною должны держать непрерывную связь и чаще присылать донесенія, дабы не разойтись въ дѣйствіяхъ съ остальными частями отряда».*

4) Генералу Баратову *20-го декабря,* № 1039: За истекшій день, на Сарыкамышскомъ фронтѣ произошло мало новаго. *Только отъ Бардуса, черезъ молоканскія кочевки подошелъ въ сферу операцій нашего лѣваго фланга 17 Туркестанскій полкъ.* Наши арріергарды держатся, а Бакинскій полкъ взялъ еще четыре орудія. Ожидая отъ Васъ на завтра рѣшительныхъ дѣйствій въ намѣченныхъ Вами направленіяхъ, ко-

торыя вполнѣ одобряю, такъ какъ *главная задача Вашего отряда прочно занять Эшакъ-Майданскій перевалъ*, единственный путь отхода турокъ, и захватить то, что не успѣетъ уйти изъ окруженной нами территоріи. Чаще доносите».

5) Генералу Юденичу *19 декабря*, № 996: «Нынѣ занимаемыя нами арріергардныя позиціи Вашимъ корпусомъ и 39 дивизіей *должны быть прочно удержаны въ Вашихъ рукахъ* весьма продолжительное время, такъ какъ *я имѣю намѣреніе разбить непріятеля подъ Сарыкамышемъ и вновь перейти въ наступленіе на Вашемъ фронтѣ*».

6) Генералу Юденичу *19-го декабря*, № 1013: «Предположенная на сегодня общая атака турокъ *видоизмѣнена въ виду того, что вчера къ вечеру не удалось захватить Бардусскій перевалъ*, безъ чего ударъ на сильный фронтъ турокъ и на ихъ лѣвый флангъ не дастъ тѣхъ результатовъ, на которые *я разсчитываю*. При этомъ вчера изъ Карса въ раіонъ Али-Софи-Бозатъ *прибылъ отрядъ Генерала Воронова: три батальона Гунибцевъ съ 8 орудіями, который свободно прошелъ* черезъ Ново-Селимъ, Ель-Кечмезъ. Такимъ образомъ, лѣвый флангъ турокъ повидимому отодвинулся отъ Ель-Кечмеза на западъ. *Сегодня поэтому мною рѣшено, подкрѣпивши свой лѣвый флангъ свѣжимъ Дербентскимъ батальономъ, сбить турокъ съ Бардускаго перевала, пользуясь содѣйствіемъ трехъ батальоновъ Туркестанцевъ Генерала Чаплыгина*, двинувшихся вчера вечеромъ отъ Бардуса на Кизиль-Килису въ тылъ Бардусскому перевалу. Эти Туркестанскіе батальоны пока не показались, но атака Бардусскаго перевала, обстрѣливаемаго мортирами, идетъ удачно, турки отходятъ внизъ, вдоль Турнагельскаго хребта *и сейчасъ начнется атака Кабардинцами и пластунами этого хребта съ юго-востока*. Отрядъ Генерала Баратова прибываетъ въ раіонъ Али-Софи-Бозатъ сегодня вечеромъ. Сегодня къ полудню Генералъ Вороновъ со своими Гунибцами и Запорожцами будетъ въ Эль-Кечмезѣ, а завтра туда-же *я двину весь отрядъ Генерала Баратова, для дѣйствія въ лѣвый флангъ турокъ*. Вчера вечеромъ взято шесть орудій, весь 50-й турецкій полкъ съ командиромъ, 15-ю офицерами и 550 нижн. чин. *При успѣхѣ сегодня, я имѣю намѣреніе, подкрѣпивъ Васъ, перейти на Вашемъ фронтѣ въ наступленіе и разбить одиннадцатый турецкій корпусъ*».

7) Генералу Юденичу 20-го декабря, № 1020: «Всѣ силы, которыя я подъ Сарыкамышемъ имѣю, сегодая въ бой введены съ утра и бой еще не кончился. Результаты вчерашняго и сегодняшняго дня большіе: *перевалъ Бардусскій взятъ, турки отброшены далеко отъ Сарыкамыша на сѣверъ*, взяты орудія, пулеметы, тысячи плѣнныхъ, открытъ путь на Карсъ. *Но чтобы не дать туркамъ уйти, надо бросить имъ что нибудь въ тылъ. Этой силы до сей минуты у меня не было:* Ваши три

батальона отъ Бардуса еще не подошли, конница Баратова и пластуны только ночью придутъ Али-Софи, Габаевъ и Вороновъ подходятъ съ семью батальонами къ Ново-Селиму и Эль-Кечмезу. *Вотъ этими силами я и могу взять завтра оба фланга турокъ, съ надеждой нанести имъ большое пораженіе.* Однако, надо имѣть въ виду, что пластунамъ и пѣхотѣ завтра идти отъ Али-Софи и Новоселима на Дивикъ далеко, хотя я приказалъ сдѣлать чрезмѣрное усиліе. Здѣсь ни одной минуты не потеряно и бой не умолкаетъ. Приказалъ даже ночью продолжать атаку, какъ только подойдутъ Ваши Бардусскіе батальоны. Большаго сдѣлать сейчасъ нельзя. Турки видимо уходятъ, но все же сами еще атакуютъ въ лѣсу на высокихъ сѣверныхъ склонахъ и въ направленіи Кизилъ-килиса укрѣпили позицію. *Но въ случаѣ нужды — пришлю два батальона Дербентцевъ, оставшихся у меня въ резервѣ».*

Неужели эти документы все еще не достаточно убѣдительны, что вся операція ведена лично мною.

Изъ рапортовъ Генерала Пржевальскаго и Генерала Юденича выходитъ, что они были самостоятельны. — ну, а какъ же другія колонны: Генераловъ Баратова, Де-Виттъ, Воронова, Габаева, Полковника Колюбакина; кому-же подчинялись и какъ дѣйствовали лица, заботящіяся о довольствіи отряда, о снабженіи войскъ боевыми припасами, о нашихъ больныхъ, раненыхъ, а также плѣнныхъ туркахъ. Кто руководилъ движеніемъ и управленіемъ войсковыхъ обозовъ.

Позволяю утверждать, что успѣхъ могъ быть достигнутъ только при общей гармоніи и эту гармонію давало только единое мое управленіе, безъ котораго отрядъ не могъ оставаться ни часа, ни минуты.

Да, управленіе это въ дѣйствительности существовало и оно всецѣло было заключено въ единственныхъ моихъ рукахъ. Помимо массы вышеприведенныхъ документовъ, я дерзаю приложить, въ доказательство моей единоличной власти, еще цѣлый рядъ моихъ предписаній и телеграммъ, которыми руководилъ второстепенными начальниками, малыми колоннами, учрежденіями и крѣпостью Карсомъ.

1) Копія съ полевой записки И. Д. начальника Штаба 1-го Кавказскаго Армейскаго корпуса отъ 14 декабря 1914 года, за № 3, Штабсъ-Капитану Пандазидису: «*Командиръ корпуса приказалъ Вамъ* принять подъ свою команду отсталыхъ Кабардинцевъ на Сарыкамышской дорогѣ и пробиться съ ними на Сарыкамышъ, для исполненія возложенной на Васъ секретной задачи». Полковникъ Ласточкинъ.

2) Копія съ полевой записки И. д. Начальника Штаба 1-го Кавказскаго армейскаго корпуса отъ 16 декабря, за № 8, Подполковнику Банникову: «*Предписываю Вамъ,* взявъ одинъ взводъ казаковъ отъ 30-й отдѣльной сотни, немедленно выѣхать на шоссе Саганлугская-Сарыкамышъ и установить тамъ порядокъ въ движеніи всѣхъ обозовъ Сарыка-

мышскаго отряда до с. Сарыкамыша, гдѣ мѣсто обозамъ будетъ указано Штабсъ-Капитаномъ Ахаткинымъ около Елизаветпольскихъ казармъ, на выѣздѣ.

По проходѣ всѣхъ обозовъ, Командиръ корпуса возлагаетъ на Васъ управленіе общимъ ихъ вагенбургомъ, гдѣ они должны быть разставлены по своимъ подраздѣленіямъ въ полномъ порядкѣ. Вамъ же подчиняется и прикрытіе обозовъ, которое долженъ назначить Начальникъ войскъ, дѣйствующихъ у Сарыкамыша, Генералъ-Маіоръ Пржевальскій. Обозы должны оставаться у Сарыкамыша до особаго распоряженія». Подписалъ: Полковникъ Ласточкинъ.

3) Копія съ телеграммы Полковника Ласточкина отъ 16 декабря 1914 года, за № 962, Полковнику Рубенау: «*Въ дополненіе предыдущихъ указаній. Командиръ корпуса* приказалъ немедленно устроить въ Каракуртѣ складъ муки и сухарей и расширить хлѣбопеченіе. Можетъ потребоваться двадцать пять тысячъ ежедневныхъ порцій хлѣба. Свои соображенія сообщите». Подписалъ Полковникъ Ласточкинъ.

4) Копія съ радіограммы Генерала Берхмана, отъ 16 декабря 1914 г., за № 972, Коменданту крѣпости Карсъ: «*Прошу мою телеграмму спѣшно передать Генералу Габаеву по мѣсту нахожденія его*».

Телеграмма Генералу Габаеву: «По имѣющимся свѣдѣніямъ, значительныя силы турокъ, дѣйствовавшихъ противъ Генерала Истомина и Васъ отъ Косора, прямыми дорогами пошли на окруженіе Сарыкамыша и захвата пути Сарыкамышъ-Карсъ. Сарыкамышскій отрядъ, имѣя на фронтѣ сильнаго противника и въ тылу у себя по показанію плѣнныхъ около двухъ корпусовъ, будетъ пробиваться къ Карсу. Не сомнѣваюсь, что Вы ввѣреннымъ Вамъ отрядомъ, захвативъ Карсъ и рѣшительнымъ движеніемъ туркамъ въ тылъ кратчайшими путями черезъ Арсенякъ на Ново-Селимъ поспѣшите оказать содѣйствіе Сарыкамышскому отряду. Передайте искровымъ Ваше рѣшеніе».

5) Копія съ телефонограммы Начальника воинскихъ обозовъ Полковника Хетогурова отъ 18 декабря 1914 г., за № 1. Начальнику Сарыкамышскаго отряда: «Всѣ воинскія обозы Сарыкамышскаго отряда сосредоточились сегодня Башкеѣ-Каракуртѣ. Прошу дальнѣйшихъ указаній для движенія обозовъ». Подписалъ Начальникъ воинскихъ обозовъ Полковникъ Хетогуровъ.

6) Копія съ телеграммы Генерала Берхмана, отъ 18 декабря 1914 года, за № 980, Полковнику Хетогурову: «*Подчиняю Вамъ всѣ обозы* 39 дивизіи, первой и второй пластунскихъ бригадъ и первой Кавказской казачьей дивизіи, а также другихъ мелкихъ частей, которыя сосредоточились у Башкея и Каракурта. Организуйте немедленно отходъ этихъ обозовъ отъ Башкея по лучшей дорогѣ на Зарабхана, далѣе на

Кагызманъ и на соединеніе со своими частями, гдѣ обстановка это допуститъ.

Въ прикрытіе колонны обозовъ назначаю роту Бакинцевъ, роту Дербентцевъ, полусотню пластуновъ и двѣ сотни Горско-Моздокцевъ. Соберите всѣ эти части въ Башкеѣ. Навстрѣчу Вамъ, для обезпеченія марша, прошу выслать изъ Кагызмана батальонъ. Начните выступленіе обозовъ изъ Башкея и Каракурта немедленно. Довольствіе организуйте мѣстными средствами».

7) Копія съ *телеграммы Генерала Берхмана*, отъ 19 декабря 1914 года, за № 998. *Полковнику Львову:* «Колонна Генерала Баратова продвинется къ Сарыкамышу, оставивъ на Башкейскомъ плато особый арріергардъ, въ составъ котораго войдетъ и ввѣренная Вамъ дружина. Генералъ Баратовъ назначитъ по своему выбору Начальника арріергарда, коему Вамъ и будетъ необходимо подчиниться во всѣхъ отношеніяхъ. Телеграфируйте, вывезены ли изъ Каракурта больные и раненые и если вывезены, то куда. Если они еще не вывезены, то ихъ надо спѣшно эвакуировать въ Сарыкамышъ всѣми возможными средствами, реквизируя средства перевозки».

8) Выписка изъ телеграммы Генерала Берхмана, отъ 19 декабря 1914 г., за № 999. Коменданту Карсской крѣпости: «Прошу предписать Генералу Воронову, чтобы онъ завтра, 20 декабря, во время общей атаки турокъ, дѣйствовалъ въ полной связи съ моей правой колонной, которая будетъ находиться подъ командой Генерала Баратова и въ случаѣ надобности исполнялъ-бы его указанія. *Подробности объ атакѣ будутъ высланы Генералу Воронову съ разъѣздомъ*».

9) Копія съ телеграммы Генерала Берхмана отъ 20 декабря 1914 года, за № 1023. Коменданту Карсской крѣпости: «*Не откажите, если возможно, распорядиться произвести воздушную развѣдку* въ раіонѣ Ново-Селимъ, Ягъ-Басанъ, Кизилъ-килиса, Эшакъ-Майданъ, Белюкъ-башкей. О послѣдующемъ меня увѣдомьте».

10) Копія съ телеграммы Генерала Берхмана, отъ 19 декабря, за № 1025. Полковнику Львову: «*Стшно распорядитесь, чтобы пластунскія сотни изъ Мечетли со своими орудіями были завтра къ утру передвинуты въ Али-Софи.* Увѣдомьте объ этомъ Начальника арріергарда».

11) Копія съ телеграммы Генерала Берхмана отъ 21 декабря 1914 г., за № 1043, Начальнику отряда въ Али-Софи: «Ввѣренному Вамъ отряду зорко слѣдить за непріятельской позиціей, которая атакуется съ обоихъ фланговъ и случаѣ нужды содѣйствуйте огнемъ противъ Ягъ-Басана. Наблюдайте непріятеля съ высотъ. Сообщите мнѣ Ваши наблюденія».

Позволяю себѣ спросить, могъ ли я, — какъ руководитель всей

операціи и при томъ еще и командиръ корпуса падъ Генераломъ Пржевальскимъ, живя съ нимъ бокъ-о-бокъ въ одномъ пунктѣ, въ непосредственной близости, при условіяхъ тяжелой и отвѣтственной за успѣхъ борьбы съ сильнымъ противникомъ и отдавая приказанія многимъ колоннамъ и лицамъ о генеральномъ сраженіи, — повторяю, могъ-ли я сложить руки и совершенно не вмѣшиваться въ дѣйствія Сарыкамышской группы и могъ ли самъ Генералъ Пржевальскій въ эту минуту дѣйствовать самостоятельно.

Въ періодъ моего пребыванія въ Сарыкамышѣ, во время Сарыкамышскихъ боевъ, ежедневно, разъ или два Генералъ Пржевальскій являлся ко мнѣ съ докладомъ о ходѣ дѣлъ его группы и выслушивалъ мои указанія.

Равно съ той же цѣлью былъ неоднократно требуемъ мною и Начальникъ его штаба Кап. Карауловъ.

На эти дни 19 и 20 декабря взаимно тѣснаго нашего соглашенія, я не могу представить многихъ письменныхъ документовъ, такъ какъ, при постоянномъ личномъ свиданіи и устномъ разговорѣ, въ нихъ не являлось никакой надобности, а если и случалось что-либо дополнительно къ личному разговору указать, то это дѣлалось спѣшно, по телефону, который черезъ минуту выяснялъ мои желанія или взаимно передавалъ мнѣ о явленіяхъ и событіяхъ боя.

Да, прямыхъ предписаній и документовъ, за срокъ 19-го-20-го декабря, у меня мало, но за то, всѣ вышеприведенные косвенные документы и логическіе доводы, какъ мнѣ кажется, неоспоримо свидѣтельствуютъ, что слова рапорта Генерала Пржевальскаго о его самостоятельности, совершенно расходятся съ дѣйствительностью.

По прибытіи моемъ въ Сарыкамышъ, я ближе ознакомился съ положеніемъ этой группы и, найдя, что дѣла тамъ идутъ успѣшно и правильнымъ ходомъ, что войска туда на усиленіе мною направляемыя своевременно туда прибываютъ и, что мы ежечасно подвигаемся все ближе и ближе къ желанной цѣли — занятія Бардусскаго перевала, — мнѣ оставалось лишь сохранить полное спокойствіе и своимъ непрестаннымъ вмѣшательствомъ не нервить и не дергать Начальника группы, а потому мнѣ было естественно сказать: продолжайте, я Вамъ мѣшать не буду. Но, повторяю, что главное управленіе оставалось за мною и я его проявлялъ въ полной мѣрѣ, когда готовился и рѣшался генеральный бой. Въ этомъ дѣлѣ Генералъ Пржевальскій былъ лишь малою составною единицею большого цѣлаго.

Но, если-бы Вашему Сіятельству не угодно было согласиться со всѣми выше доложенными документами и моими логическими доводами о моемъ единовластномъ и личномъ командованіи всѣми войсками Сарыкамышскаго отряда и въ частности группой Генерала Пржеваль-

скаго, то я позволю себѣ еще сослаться и на многихъ оффиціальныхъ свидѣтелей моего непрерывнаго управленія, увѣнчавшагося громкой и славной побѣдой. Прежде всего, я укажу на всѣхъ старшихъ и даже младшихъ чиновъ штаба ввѣренныхъ мнѣ войскъ, а затѣмъ сошлюсь и на посторонннихъ лицъ, къ нему непричастныхъ, каковы, напр., Генералы: Воропановъ, Слюсаренко, Соллогубъ, полковникъ Рубенау и многіе изъ строевыхъ начальниковъ, наиболѣе часто въ эти дни посѣщавшихъ мой штабъ, и между ними особенно вспоминаю Полковника Нижерадзе.

Ласкаю себя большой надеждой, что изъ представленнаго Ваше Сіятельство изволите усмотрѣть, что войсками Сарыкамышской группы лично и непосредственно руководилъ я, а Генералъ Пржевальскій, лишь въ зависимости отъ моего управленія, только доблестно ею командовалъ.

Изъ того-же моего настоящаго доклада слѣдуетъ, что я не могъ соглашаться съ Генераломъ Юденичемъ о командованіи Сарыкамышской группою, какъ объ этомъ онъ пишетъ въ своемъ рапортѣ № 2.

Дѣйствительно, 17-го декабря вечеромъ, у меня съ Генераломъ Юденичемъ былъ разговоръ о Сарыкамышѣ, но онъ вовсе не носилъ характера взаимосоглашенія, а имѣлъ видъ только обычнаго предложенія Начальника подчиненному.

Возникъ этотъ разговоръ по тому поводу, что къ этому времени въ Сарыкамышѣ накопилось очень большое количество войскъ и такъ какъ этотъ пунктъ являлся важнымъ центромъ, изъ котораго только и могъ развиться успѣхъ всей нашей операціи, — то я и возымѣлъ мысль довѣрить эту большую и важную группу Генералу Юденичу, какъ старшему передъ другими, и какъ мнѣ казалось, наиболѣе надежному начальнику. На это мое предложеніе Генералъ Юденичъ мнѣ доложилъ, что «онъ желалъ бы остаться при своемъ корпусѣ, который въ данную минуту находится въ очень отвѣтственномъ положеніи и, что, по его мнѣнію, на Генерала Пржевальскаго можно вполнѣ положиться».

Съ этимъ доводомъ я согласился и отвѣтилъ генералу Юденичу, что *я оставляю его при его корпусѣ*, а о себѣ сказалъ, что мѣстомъ своего пребыванія избираю Сарыкамышъ.

Этотъ мой разговоръ и даже, можно сказать, прямое мое предложеніе генералу Юденичу отнюдь нельзя разсматривать, какъ какое-либо раздѣленіе съ нимъ власти пополамъ надъ всѣми войсками. Такъ какъ и послѣ этого моего разговора, генералъ Юденичъ по прежнему остался начальникомъ лишь одной арріергардной колонны и только уже 19-го декабря, т. е. черезъ два дня, я ему № 996 *предписалъ подчинить себѣ и другую колонну* — средній арріергардъ генерала Де-Виттъ:

«Отходъ нашихъ арріергардовъ долженъ быть объединенъ и 39-ая дивизія должна дѣйствовать въ тѣсномъ единеніи съ Туркестанцами и

зависитъ отъ нихъ выполняющихъ особо важный и сложный маневръ, *почему организацію отхода на этотъ случай поручаю Вамъ*».

Мое рѣшеніе, о самомъ себѣ, переѣхать въ Сарыкамышъ вытекало вовсе не изъ упомянутаго разговора, а было мною предрѣшено еще много раньше, а именно телеграммой еще 16-го декабря за № 965 я извѣщаю генерала Баратова: «Завтра я буду въ Меджингертѣ, а затѣмъ, вѣроятно, переѣду въ Сарыкамышъ, куда и посылайте донесенія».

Пунктъ же этотъ я избралъ своимъ пребываніемъ потому, что онъ былъ важнѣйшимъ и наиболѣе опаснымъ въ раіонѣ всей операціи и въ то же время представлялъ мнѣ удобства управленія, изъ центра по радіусамъ, всѣми группами и колоннами войскъ, съ которыми былъ связанъ телефонами и телеграфомъ; въ немъ же были сосредоточены и всѣ жизненныя учрежденія Сарыкамышскаго отряда.

Я прибылъ въ Сарыкамышъ 18-го декабря, со всѣмъ штабомъ, при чемъ прослѣдовалъ туда по дорогѣ, обстрѣливаемой противникомъ.

Во весь остальной періодъ Сарыкамышскаго бою, я оставался въ Сарыкамышѣ, находясь все это время подъ непрестаннымъ, днемъ и ночью, орудійнымъ огнемъ турокъ съ близкаго разстоянія, при чемъ нѣсколько гранатъ непосредственно ударили въ мой домъ.

Это продолжительное и постоянное мое нахожденіе подъ огнемъ противника, мнѣ кажется, также должно рѣшительно свидѣтельствовать, что я былъ тамъ большое дѣятельное лицо, ибо въ противномъ случаѣ, — при моей къ дѣлу безучастности, какъ доноситъ объ этомъ генералъ Пржевальскій, я, вѣроятно, предпочелъ бы, избѣгая серьезной опасности, поискать себѣ мѣстопребыванія поспокойнѣе, гдѣ-либо между Сарыкамышемъ и моими арріергардами.

Не могу оставить безъ возраженія и донесенія штаба обороны Сарыкамышской группы, иначе говоря, временнаго штаба генералъ-маіора (нынѣ генералъ-лейтенанта) Пржевальскаго. Этотъ штабъ, какъ мнѣ кажется, пытается бросить въ меня нѣсколько уколовъ, но всѣ они, повидимому, не имѣютъ большой важности, и я попытаюсь ихъ опровергнуть; первое — Штабъ доноситъ, что въ моемъ рапортѣ отъ 12-го января сего года за № 2 неправильно обозначено 21-го декабря днемъ взятія Бардусскаго перевала, а что въ дѣйствительности онъ былъ взятъ 20-го декабря. Возможна, конечно, для меня описка, а не то и прямо-таки ошибка въ обозначеніи числа мѣсяца, которая, повидимому, въ данномъ случаѣ не должна имѣть особаго значенія; но, тѣмъ не менѣе я и ее хочу защитить. Дѣло заключалось въ томъ, что Бардусскій перевалъ образованъ двумя вершинами и, чтобы владѣть имъ, надо владѣть обѣими вершинами; 20-го же декабря была занята только одна изъ вершинъ, причемъ, всѣ наши попытки взять въ этотъ день и вторую вершину намъ не удались, такъ какъ турки, увѣнчавъ ее большимъ числомъ пулеметовъ, упорно ее защищали.

Радость занятія первой вершины 20-го декабря какъ-то невольно отдалась во всѣхъ устахъ Сарыкамышскаго отряда возгласомъ: «Взять Бардусскій перевалъ». Вѣдь, къ нему такъ долго, такъ упорно войска стремились, начавъ на него свои атаки еще съ 12-го декабря — съ перваго момента появленія на немъ турокъ.

Тотъ же штабъ обороны находитъ въ моемъ рапортѣ яко-бы и другую неточность, онъ говоритъ, что, не я, а генералъ Пржевальскій назначилъ полковника Масляникова начальникомъ атакующей перевалъ группы войскъ.

Фактически это, конечно, было такъ, но лишь въ смыслѣ непосредственной передачи приказанія полковнику Масляникову, а не проявленія самостоятельно на то его личной необоримой воли.

Согласіе на это назначеніе непремѣнно должно было быть дано мною по слѣдующей причинѣ: во-первыхъ, — одинъ большой начальникъ полковникъ Букретовъ не могъ быть замѣненъ другимъ большимъ — полковникомъ Масляниковымъ, безъ моего на то одобренія, а во-вторыхъ — идея этой замѣны возникла не у генерала Пржевальскаго, а лично у меня, въ силу того обстоятельства, что генералъ Баратовъ нѣсколькими телеграммами просилъ меня о возвращеніи полковника Букретова къ его обязанностямъ — Начальника Штаба второй пластунской бригады и таковое же ходатайство командиръ этой бригады генералъ-маіоръ Гулыга обратилъ къ моему Начальнику Штаба.

Въ уваженіе этихъ ходатайствъ, полковникъ Букретовъ былъ освобожденъ отъ командованія Бардусской группой, изъ чего очевидно, что я долженъ былъ получить также касательство и интересъ къ назначенію на этотъ отвѣтственный постъ вмѣсто полковника Букретова другого Начальника.

По освобожденіи съ поста, полковникъ Букретовъ лично явился ко мнѣ и доложилъ о положеніи дѣлъ на перевалѣ.

Противъ третьяго упрека, что «дескать, не я командовалъ группой, ибо войска меня не видали», я могу доложить, что у меня во время этой операціи было свыше 50 тысячъ войскъ и онѣ были раскинуты на громадное пространство и видѣть меня часто онѣ не могли, да и никакими законами и инструкціями не указано, чтобъ Командующій арміей постоянно войскамъ показывался. Время-ли было мнѣ въ періодъ 18-22 декабря, когда рѣшалась судьба операціи, посѣщать траншеи и могъ-ли я успѣть это сдѣлать даже въ одной группѣ. Къ слову сказать, я не находилъ это нужнымъ, такъ какъ очень недавно со всѣми видѣлся, а именно: пластуновъ видѣлъ въ бою у Юзверана 8 декабря и въ Меджингертѣ 15 декабря. Кабардинцевъ видѣлъ 9 декабря, а затѣмъ опять весь гарнизонъ поздравилъ съ побѣдой 25 декабря.

Продолжая дальше развивать доводы за свое единоличное и не-

прерывное управленіе всѣми войсками отряда, я долженъ остановиться на указаніи Вашего Сіятельства, что будто бы «войска Сарыкамышскаго отряда выполняли прежнюю задачу, указанную имъ генераломъ Пржевальскимъ, а не мою», и доложить нижеслѣдующее: Не имѣя намѣренія чѣмъ-либо умалить заслуги генерала Пржевальскаго, я, однако, все же долженъ свидѣтельствовать, что задача взятія Бардусскаго перевала, — какъ уже въ настоящемъ письмѣ объ этомъ выше было доложено, вытекла не изъ указанія на нее генерала Пржевальскаго или какого-либо другого лица, а предстала передъ отрядомъ совершенно естественнымъ путемъ вслѣдствіе топографическихъ, тактическихъ и стратегическихъ условій самаго перевала.

Занятіе этого перевала, съ перваго же момента появленія на немъ турокъ, упорно и послѣдовательно достигали, смѣняющіе другъ друга начальники. И только по ихъ слѣдамъ точно такъ же *шелъ* и генералъ Пржевальскій: задачу эту онъ получилъ еще въ Меджингертѣ, въ пору движенія его къ Сарыкамышу.

Во время моего пребыванія въ Сарыкамышѣ и даже, ранѣе того, съ момента моего вступленія въ командованіе отрядомъ, у меня не было никакихъ причинъ и никакой надобности мѣнять эту естественную задачу, — взятія Бардусскаго перевала, — представшую предъ отрядомъ еще съ перваго момента появленія на немъ турокъ: но для удачнаго разрѣшенія таковой потребовалась сложная операція всего Сарыкамышскаго отряда и по мѣрѣ того, какъ росло сопротивленіе на этомъ перевалѣ, въ Сарыкамышъ требовались все новыя и новыя силы. *А силы эти выбирались изъ арріергардовъ и подводились къ нему исключительно моею волею, моею властью и моими приказаніями.*

Успѣхъ увѣнчалъ давнее стремленіе къ Бардусскому перевалу только тогда, когда этихъ силъ накопилось достаточно и, когда между ними прибыла въ Сарыкамышъ наша тяжелая артиллерія, которая своею мощностью подавила огонь противника.

Постепенное накопленіе войскъ въ Сарыкамышѣ, съ соблюденіемъ, какъ я уже доложилъ, строгаго равновѣсія боевыхъ силъ въ арріергардахъ произведено моими личными распоряженіями, и въ нихъ генералъ Пржевальскій никакого участія не принималъ — *онъ командовалъ только тѣми силами, которыя я ему подчинялъ.* Только мое усмотрѣніе и мои разсчеты, — только они точно опредѣлили необходимое равновѣсіе нашихъ силъ на фронтѣ и въ арріергардахъ, и дали тотъ рѣшительный результатъ, — полный разгромъ врага, — славу котораго, — своими неправильными докладами, — нѣкоторые изъ подвластныхъ мнѣ тогда генераловъ — хотятъ теперь у меня отнять.

Ваше Сіятельство, если бы всѣ мною приведенныя доказательства, опирающіяся на массу подлинныхъ документовъ и на многихъ свидѣ-

телей, все еще были бы недостаточно убѣдительными, чтобы Вы могли окончательно признать меня единственнымъ полноправнымъ и отвѣтственнымъ начальникомъ Сарыкамышскаго отряда, въ которомъ все жило и двигалось лишь по моей волѣ, моими приказаніями; то я позволю себѣ просить Ваше Сіятельство остановить свое вниманіе на данномъ моментѣ — на взятіи Бардусскаго перевала.

Можно-ли этотъ моментъ счесть уже окончательнымъ разгромомъ врага или необходимо признать, что и по занятіи нами перевала турки все еще были жизнедѣятельны и могли нѣкоторое время задержаться на Турнагельскомъ хребтѣ, а можетъ быть, даже нанести намъ серьезный ударъ.

Во всякомъ случаѣ, турки безъ особой помѣхи могли спокойно уйти въ свои предѣлы, отступая на Ольты: но этого, однако, они сдѣлать не успѣли, и именно потому что, вслѣдъ за занятіемъ нами Бардусскаго перевала, лично я двинулъ впередъ ввѣренныя мнѣ войска, — и онѣ, руководимыя уже неоспоримо, никѣмъ другимъ, а исключительно моими распоряженіями, — разгромили ихъ на голову.

Неоспоримость эта слѣдуетъ уже прямо изъ донесенія № 75, генерала Пржевальскаго, въ которомъ онъ ясно и категорично говоритъ, что *съ момента занятія Бардусскаго перевала, 20-го декабря, руководительство надъ войсками Сарыкамышской группы непосредственно перешло въ* мои руки: это же доказываютъ всѣ какъ доложенныя, такъ и нижеслѣдующія приказанія:

1) Предписаніе генералу Пржевальскому отъ 20-го декабря № 1022: «У генерала Баратова завтра къ полудню будутъ собраны около Ель-Кечмеза 11½ батал. и 14 конныхъ сотенъ, съ соотвѣтствующей артиллеріей, съ которыми онъ тогда же поведетъ атаку въ направленіи на Чатахъ и Дивикъ и далѣе на западъ, отбрасывая турокъ отъ желѣзной дороги и вмѣстѣ съ тѣмъ конницей отрѣзая имъ путь отступленія на сѣверо-западъ. *Ввѣренной вамъ группѣ войскъ,* собранныхъ подъ Сарыкамышемъ, *предписываю:* 1) Закрѣпить за собою Бардусскій перевалъ возведеніемъ тамъ опорнаго пункта, назначеніемъ на перевалъ постояннаго гарнизона соотвѣтственной силы (около 2 батал., 2-4 оруд. и 2 сот.) и возложеніемъ на этотъ гарнизонъ задачи удержать во что бы то ни стало перевалъ въ рукахъ и развѣдывать о непріятелѣ на путяхъ къ Кизилъ-Килиса и Язылъ-ташу, не допуская прохода турокъ въ тылъ нашимъ арріергардамъ, стоящимъ на линіи Караургань-Меджингертъ, 2) Войскамъ, дѣйствующимъ на склонахъ горъ, къ сѣверу отъ Верхняго Сарыкамыша, зорко слѣдить за противникомъ, сосредоточеннымъ въ перелѣскахъ и при малѣйшей попыткѣ его отходить энергично атаковать. Для атаки, вообще полагалъ бы самымъ подходящимъ время, когда отъ Кизилъ-Килиса къ этимъ войскамъ при-

близятся три баталіона Туркестанцевъ, что позволитъ произвести охватывающую атаку. Если баталіоны не подойдутъ, то *около полудня, одновременно съ атакой генерала Баратова надо атаковать рѣшительно и намъ.* 3) Колонна полковника Барковскаго свои дѣйствія должна согласовать съ войсками, указанными въ § 2, поддерживая связь съ колонной генерала Баратова, особенно при атакѣ, наступая въ направленіи Ягъ-Басанъ».

2) Генералу Пржевальскому отъ 22-го декабря № 1053: «*Распорядитесь немедленно двинуть сильную колонну полковника Барковскаго* подъ его командой на *Ягъ-Басанъ*. В. Салутъ, Верницанъ. *Полковникъ Барковскій долженъ войти въ тѣсное соприкосновеніе съ генераломъ Баратовымъ и войти въ его подчиненіе.* Цѣль высылки колонны: оказать содѣйствіе генералу Баратову и разбить остатки турецкой арміи, стремясь отрѣзать имъ путь отступленія отъ перевала Эшакъ-Майдана. *Позицію, оставленную Барковскимъ, занять по Вашему усмотрѣнію*».

3) Генералу Пржевальскому генералъ Ласточкинъ отъ 23 декабря №12: «Начальникъ отряда приказалъ Вамъ стянуть съ позицій въ Сарыкамышъ всѣ баталіоны ввѣренной Вамъ бригады и держать ихъ на готовѣ къ отправленію».

Изъ представленнаго, безъ сомнѣнія, видно, что весь заключительный актъ Сарыкамышской операціи, т. е. то генеральное сраженіе, которое завершилось полнымъ разгромомъ турокъ, массою трофеевъ и плѣненіемъ всего девятаго турецкаго корпуса, со всѣмъ ихъ команднымъ составомъ — генералами и штабами, — было разыграно и руководимо мною.

Эта большая и громкая побѣда надъ турками была полнымъ радости отвѣтомъ на предписаніе ко мнѣ Вашего Сіятельства отъ 20-го декабря за № 685: «*Радуюсь одержанным успѣхамъ, но Вы должны одержать полную побѣду, отъ которой зависитъ цѣлость Кавказа*».

Да, турки были совершенно разбиты и съ этой минуты цѣлости Кавказа не грозила больше опасность.

Эту радостную вѣсть о громкой побѣдѣ, явившейся какъ бы во исполненіе желанія Вашего Сіятельства, я, отъ лица доблестныхъ командуемыхъ мною войскъ доложилъ слѣдующей телеграммой, 22-го декабря за № 1052:

«*Безмѣрно счастливъ отъ лица всѣхъ чиновъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ горячо поздравить Ваше Сіятельство съ большой и славной побѣдой. Доношу*, сегодня 22-го декабря въ 5 часовъ вечера рѣшительно опредѣлилось полное пораженіе IX и X турецкихъ корпусовъ подъ Сарыкамышемъ. Командиръ IX-го корпуса Исханъ-паша, три Начальника дивизіи, 17, 28 и 29 и два замѣстителя начальниковъ дивизій со

своими штабами, болѣе сотни офицеровъ и тысячи нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнъ. Намъ досталось много орудій, пулеметовъ, боевыхъ припасовъ, вьючныхъ транспортовъ и прочаго имущества, но все это еще не приведено въ извѣстность. Правый флангъ турокъ, IX корпусъ, уничтоженъ безслѣдно, часть X-го еще пытается спастись черезъ Эшакъ-Майданъ, но на перерѣзъ ихъ выдвинута конница, а преслѣдуютъ ихъ части 3-й стрѣлковой бригады и Гунибцы. Свидѣтельствую передъ Вашимъ Сіятельствомъ, маститымъ нашимъ Кавказскимъ Главнокомандующимъ, что войска Сарыкамышскаго отряда совершили геройскіе подвиги и оказались достойными своихъ славныхъ предковъ. *Ни выси горъ, ни стыда, ни морозы не остановили ихъ стремленія къ побѣдѣ, чтобы достойно оправдать высокое довѣріе и исполнить желаніе Вашего Сіятельства*».

Изъ настоящаго моего доклада и изъ прилагаемаго къ нему кроки (схемы) Сарыкамышской операціи Ваше Сіятельство изволите усмотрѣть, что вся операція охватывала большой раіонъ въ продольномъ и узкомъ его поперечникѣ и что въ немъ дѣйствовали шесть-семь большихъ группъ и нѣсколько малыхъ колоннъ, кромѣ обозовъ, управленій и разнаго рода учрежденій.

Всѣ эти группы, колонны и учрежденія должны были быть управляемы одною мыслью и одною волею, которая сочетала бы ихъ дѣйствія въ силѣ и во времени и привела бы къ единой высокой цѣли — побѣдѣ надъ врагомъ.

Генералъ Юденичъ и генералъ Пржевальскій въ своихъ рапортахъ доносятъ Вашему Сіятельству, что они были самостоятельными начальниками. Возможно-ли допустить такое положеніе, чтобы шесть колоннъ, устремленныхъ въ одно время къ единому пункту и къ единой цѣли, не имѣли надъ собой единаго управленія.

Если признать группы генераловъ Юденича и Пржевальскаго самостоятельными, то надо будетъ допустить, что и остальныя группы должны были бы быть также самостоятельными, ибо мое управленіе названными генералами отрицается, а себя они съ этими колоннами не связали.

Хочется спросить у нихъ, какую же роль игралъ я въ отрядѣ — ихъ старшій начальникъ.

Ваше Сіятельство милостиво признали меня достойнымъ награжденія высокимъ орденомъ Св. Александра Невскаго съ мечами за то, что я удачно направилъ въ обходъ колонну генерала Баратова.

Но если я имѣлъ право двигать колонну генерала Баратова, могъ присоединить къ ней колонну генерала Габаева и предписать генералу Пржевальскому одновременность дѣйствія его группы съ этою колонною въ послѣдній моментъ атаки нами турокъ, — что видно изъ доло-

женныхъ уже мною документовъ, — то не позволено ли мнѣ будетъ еще разъ утверждать, что именно я-то и былъ тѣмъ единственнымъ начальникомъ, у котораго въ рукахъ находились всѣ судьбы отряда и который своимъ искуснымъ и твердымъ управленіемъ вывелъ доблестныя войска Сарыкамышскаго отряда не только изъ тяжелаго положенія, но и доставилъ имъ большую побѣду и громкую славу.

Глубоко вѣря, что большой доказательный рядъ представленныхъ мною документовъ непреложно устанавливаетъ мое единовластное и непрерывное, увѣнчавшееся побѣдой, командованіе Сарыкамышскимъ отрядомъ, — я все же позволяю себѣ еще, какъ послѣднее доказательство, сослаться на частное письмо ко мнѣ генерала Пржевальскаго отъ 16-го января сего года, въ которомъ онъ, вспоминая Сарыкамышъ, такъ заканчиваетъ: «Мнѣ поэтому особенно тяжело было разстаться съ Вами въ Сарыкамышѣ: утѣшеніемъ служитъ надежда, что *правда и истина должны восторжествовать*».

А также укажу на мою бесѣду о судьбѣ моей съ генераломъ Юденичемъ, когда онъ сказалъ мнѣ, что лично спрашивалъ: «За что генерала Берхмана такъ сильно обидѣли и отвѣта ему на этотъ вопросъ, какъ онъ говоритъ, никакого не дали»*).

Заключительно, особо прилагаемыя къ сему моему письму, копіи всѣхъ моихъ ежедневныхъ донесеній Вашему Сіятельству**), даютъ мнѣ вѣру, что они послужатъ наиболѣе твердымъ доказательствомъ того,

---

*) Редакція считаетъ долгомъ привести также выдержку изъ письма Генерала Баратова отъ 8 января 1915 года Генералу Берхману: «Никакими словами не могу выразить тебѣ, какъ я былъ изумленъ, получивъ оффиціально извѣщеніе о вступленіи въ командованіе войсками Сарыкамышскаго отряда ген. Юденича. Но огорченіе за тебя стало еще болѣе сильнымъ, когда я узналъ, что тебя въ одной и той же телеграммѣ благодарили за побѣду и наносили горькую обиду... Здѣсь уже никакими словами не выразить тебѣ своего сердечнаго сочувствія. Да послужитъ тебѣ великимъ бодрящимъ чувствомъ сознаніе, что чиста твоя совѣсть передъ Богомъ, Царемъ и войсками, тебѣ ввѣренными, которыя будучи направлены тобой, достигли желанной цѣли — побѣды надъ врагомъ и освобожденія отъ него не только Сарыкамышскаго раіона но и далеко за его предѣлами».

Также необходимо обратить вниманіе на слова Р. Термена въ его статьѣ — Памяти Генерала Г. Э. Берхмана, — помѣщенной въ газетѣ «Голосъ» (1929 г. № 100): «Память покойнаго генерала Берхмана, коренного кавказца, геройски проявившаго себя въ началѣ войны на кавказскомъ фронтѣ (подготовка, первые шаги и Сарыкамышъ) не должна быть забыта нами и на родномъ Кавказѣ долженъ покониться его прахъ подъ памятникомъ, говорящемъ о заслугахъ его передъ родиной»...

(Изъ архива Е. В. Берхманъ).

**) Копіи донесеній не прилагаются. Ре...

что только я, а никто другой, былъ полноправнымъ и единовластнымъ Начальникомъ Сарыкамышскаго отряда. Вѣдь только одинъ я, какъ Начальникъ отряда, имѣлъ честь и право сноситься съ Вашимъ Сіятельствомъ.

Въ то же время горжусь сознаніемъ, что всѣ эти мои донесенія свидѣтельствуютъ, что ни войска, ни ихъ начальникъ ни одной минуты не терпѣли страха передъ врагомъ, ни одной минуты не теряли увѣренности, что врагъ будетъ сраженъ.

Ваше Сіятельство, дозвольте мнѣ въ послѣднемъ словѣ своей самозащиты спросить генераловъ Юденича и Пржевальскаго, кто явился бы предъ военнымъ судомъ виновнымъ и отвѣтственнымъ, если бы, Боже избави, Сарыкамышскій отрядъ былъ разбитъ и потерялъ бы трофеи и плѣнныхъ...

Едва ли тогда нашлись бы охотники дѣлить со мною это великое горе, — а сейчасъ, въ общей побѣдной радости нѣтъ только одного меня, виновника ея.

Заканчивая свой докладъ, остаюсь при свѣтлой надеждѣ, что Ваше Сіятельство повѣрите чистой истинѣ этого доклада и изволите усмотрѣть изъ него, какъ неправдиво положено охуленіе на мою боевую дѣятельность и прикажете, ради торжества правды поставить мое имя на подобающее ему мѣсто современной боевой лѣтописи и повелите считать меня, какъ оно дѣйствительно и было, Начальникомъ Сарыкамышскаго отряда за то время, когда этотъ отрядъ, состоящій изъ Кавказскихъ и Туркестанскихъ войскъ подъ моей непосредственной командой, совершилъ славный подвигъ и въ кровавомъ тяжкомъ бою разбилъ подъ Сарыкамышемъ сильнаго и дерзкаго врага.

Я свидѣтельствую передъ Вашимъ Сіятельствомъ одну только чистую правду и дѣлаю это лишь въ огражденіе своего имени, которое послѣ славной Сарыкамышской побѣды въ народѣ подверглось порицанію, а въ лѣтописяхъ войны безславно и безслѣдно исчезло.

Прошу разрѣшенія выразить Вашему Сіятельству чувства моей безпредѣльной, глубокой и совершенной преданности.

Копія съ рапорта отъ 17 ноября 1915 г. за № 71. генерала-отъ-инфантеріи Берхмана Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу Главнокомандующему Кавказской арміей.

ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ. — представляя докладъ, съ приложеніемъ всѣхъ необходимыхъ документовъ *), объ участіи моемъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ на Кавказскомъ фронтѣ, въ періодъ съ 18-го октября по 24-е декабря 1914 г., во время бытности моей Командиромъ 1-го Кавказскаго армейскаго корпуса и Началь-

*) Докладъ и документы не прилагаются. Ред.

никомъ Сарыкамышскаго отряда, — всепреданнѣйше прошу милостиваго распоряженія ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА означенный мой докладъ повелѣть разсмотрѣть и постановить Свое рѣшеніе.

Эту просьбу мою — дерзаю принести ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ по той причинѣ, что, — на основаніи приказа генерала-отъ-инфантеріи Мышлаевскаго, отданнаго въ Меджингертѣ 11 декабря 1914 года, отъ имени Главнокомандующаго Кавказской Арміей, и его же телеграммы ко мнѣ того же декабря 15-го за № 51, а равно, руководствуясь §§ 7 и 8 Устав. Полев. службы, — по отбытіи генерала Мышлаевскаго изъ отряда утромъ 15-го декабря 1914 г. я вступилъ въ полноправное и отвѣтственное командованіе Сарыкамышскимъ отрядомъ, коимъ во все послѣдующее время Сарыкамышской операціи — по 24 декабря и продолжалъ единолично командовать.

Съ помощью Всевышняго, я не только съ честью вывелъ ввѣренныя мнѣ войска изъ крайне тяжелаго боевого положенія, въ которомъ онѣ находились, вслѣдствія окруженія ихъ непріятелемъ, — но и увѣнчалъ всю сарыкамышскую операцію славной побѣдой, разгромивъ врага до полнаго уничтоженія всего IX корпуса и нанеся большое пораженіе X и XI турецкимъ корпусамъ.

А между тѣмъ, въ отвѣтъ на это мое побѣдное донесеніе на другой же день, телеграммой Главнокомандующаго, безъ всякихъ видимыхъ для меня поводовъ и причинъ, я былъ замѣненъ въ командованіи отрядомъ генералъ-лейтенантомъ Юденичемъ — младшимъ по мнѣ въ чинѣ.

Съ той поры имя мое совершенно исчезаетъ и ни въ какихъ оффиціальныхъ документахъ по Сарыкамышскому бою обо мнѣ не упоминается.

Приказъ же по Кавказской Арміи, отъ 11 января сего года за № 15, какъ бы окончательно меня отстранилъ отъ какого-либо участія въ Сарыкамышскомъ дѣлѣ.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, осмѣливаюсь клятвенно и документально доложить, что всю Сарыкамышскую операцію съ 15-24 декабря 1914 года велъ я, единолично и, конечно, только я одинъ и отвѣтилъ бы предъ Судомъ ЦАРЯ и Россіи, если бы, избави Господи, съ ввѣренными моему командованію войсками приключилась какая-либо неудача. За что же въ минуту великаго счастья и радости славной побѣды надъ врагомъ я — виновникъ таковой — совершенно забытъ, замолченъ и въ имени своемъ замѣненъ другими.

Въ теченіе долгаго времени, я тщетно стремился предстать предъ бывшимъ Главнокомандующимъ на Кавказѣ графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ и только черезъ шесть мѣсяцевъ по окончаніи Сарыкамышской операціи, я, наконецъ, имѣлъ честь быть принятымъ Его Сіятель-

ствомъ, но мой десятиминутный докладъ не далъ мнѣ никакихъ результатовъ.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, я нынѣ дерзаю предстать предъ Вами съ твердою и глубокою вѣрою, что ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ благоугодно будетъ узнать чистую правду о Сарыкамышскомъ дѣлѣ и объявить таковую войскамъ Кавказской арміи, среди которой я провелъ всю долгую свою жизнь и службу и всегда получалъ себѣ отъ нея почетъ и уваженіе.

Вел. Кн. Николай Николаевичъ, Главнокомандующій Кавказской Арміей, не нашелъ возможнымъ пересматривать дѣло уже рѣшенное его предшественникомъ Графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ.

Тогда ген. Берхманъ опять отправляется въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго. Принятый Начальникомъ Штаба Ген. Алексѣевымъ, — Государь Императоръ въ это время былъ въ Петроградѣ. — Ген. Берхманъ доложилъ ему происшедшее.

Ген. Алексѣевъ обѣщалъ доложить Государю, и по Высочайшему повелѣнію б. Начальникъ Генеральнаго Штаба ген. Палицынъ былъ назначенъ для производства разслѣдованія.

Послѣ разслѣдованія, произведеннаго на Кавказѣ, и соотвѣтствующаго доклада ген. Палицына Государю Императору, — въ 21-й день іюля 1916 года послѣдовалъ Высочайшій приказъ слѣдующаго содержанія):*

ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДА

Государь Императоръ въ 21-й день іюля 1916 года Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать:

Орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени:

Бывшему командиру 1-го Кавказскаго армейскаго корпуса, нынѣ состоящему въ распоряженіи Главнокомандующаго Кавказскою арміею, Генералу-отъ-инфантеріи Георгію Берхману за то, что, состоя начальникомъ Сарыкамышской группы войскъ и получивъ весьма трудную и сложную задачу, остановить натискъ турокъ на Карсскомъ направленіи, выполнилъ эту задачу блестяще, проявивъ твердую рѣшимость, личное мужество, спокойствіе, хладнокровіе и искусство вожденія войскъ, при чемъ результатомъ всѣхъ распоряженій и мѣропріятій Генерала отъ Инфантеріи Берхмана была обезпечена полная побѣда подъ гор. Сарыкамышемъ.

---

*) См. «Русскій Инвалидъ» 10-го августа 1916 г. № 213 (имѣется въ Архивѣ Е. В. Берхманъ).

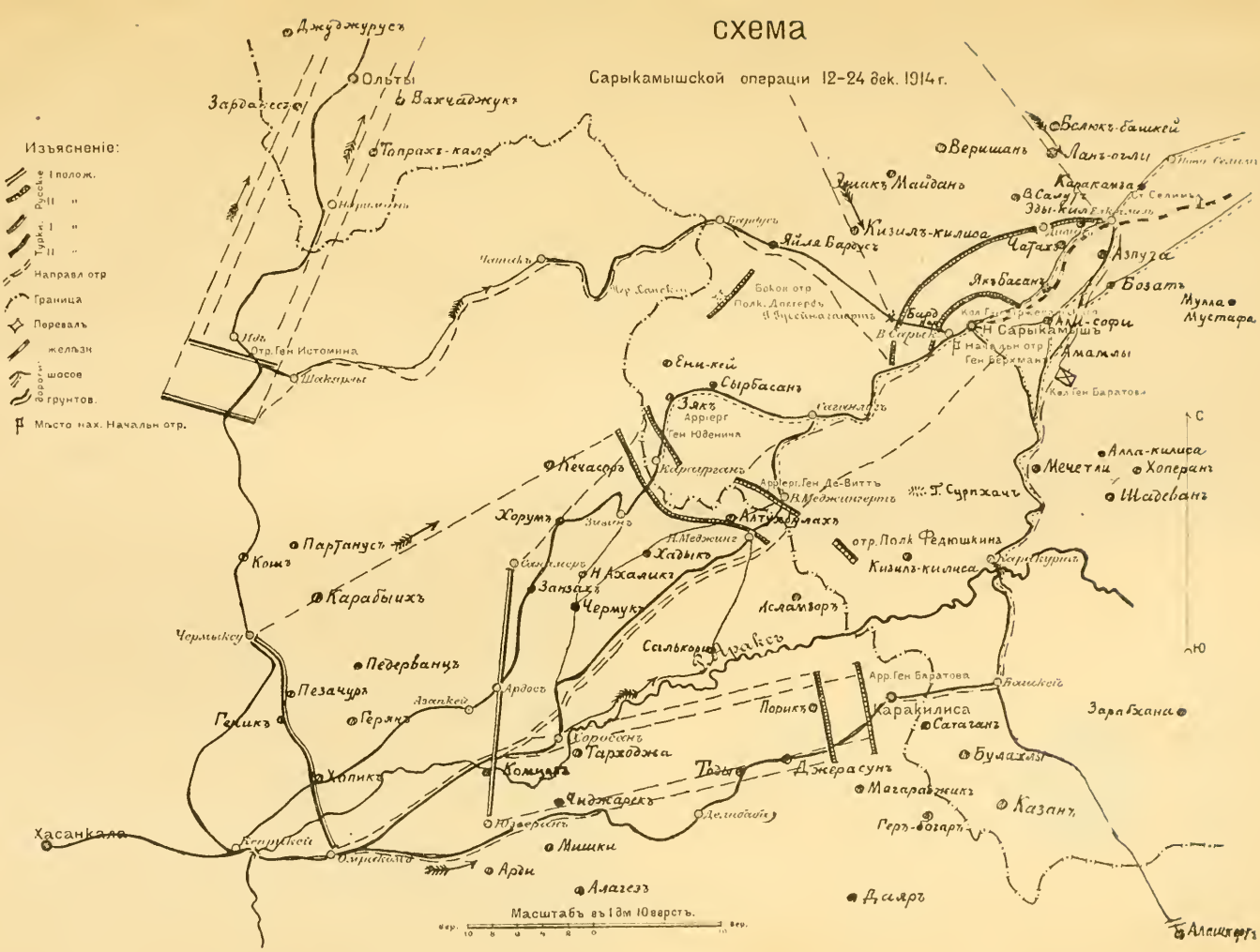

Схема заимствована изъ труда В. П. Никольскаго — «Сарыкамышская операція». Софія. 1933 г.

Imprimerie « PASCAL ». 13, rue Pascal. Paris (5).

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

D567
.C3
A5